

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЪТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

Ш

Г

Ж

М

В

Ш

Ж

Итературный

льманах

арода Звезды

Вып. 33. ПЭЛА



Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 33.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Нэлла

Algidus

(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Emma



Кали-юга

1997

...Сроки близко. Со всей ясностью я осознала это во время болезни. Раньше думалось — может, ничего такого и не будет, а теперь начало исполняться. Ураган в Калининградской области, перед этим — ураган над Белоруссией и Украиной, наводнения в Польше, в Чехии, на Украине. Наконец, весной была предсказанная Нострадамусом комета. Супер-комета Хейли-Боппа. Правда, у него говорилось, что будет страшнее.

Экологический кризис, постоянная угроза ядерной войны — стоит только спичку поднести. Ураганы, бури, наводнения были, теперь очередь за извержениями вулканов, землетрясениями и падением метеоритов...

Да, последние сроки близко...

Только передумав всё это, я по-настоящему поверила, хотя знала всё это уже много лет. Многие пророчат нам конец света, многие пророчили его и в тысячном году. Мария Дэви Христос тоже пророчила его.

Странная у людей склонность:

— Трубить о конце света — и все кидаются продавать свои последние штаны. Жить последний момент. И как жить! В кабаке, под лавкой, тупо икая и проклиная священников, что зря остался без штанов!

— Кричать о нём — и толпы людей отправлялись в паломничество по святым местам, возводя глаза горе и бубня под нос молитвы; вместо того, чтобы хоть что-то сделать?!

— Наконец, о нём шептали, передавали сведения друг другу только знающие, за толстыми стенами, а счастливые грешники, как стадо обезьян, в спокойном довольстве ловили блох.

— Потом пришёл красный череп с красной косой и красным молотом, и об этом вообще было запрещено говорить. А кто не слушался, того брали за шкуру и ставили к стенке... А *он* красным молотом продолжал пробиваться вперёд — к «светлому будущему», к 1941 году...

— Затем об этом стало можно говорить, но это считалось неприличной и смешной темой. Тогда заговорила Мария Дэви. Ещё можно было что-то сделать, но тогда дети шли в огонь от её взгляда и прыгали из окон...

А теперь 1997 год. Два года до того, что нам предсказал Нострадамус, два года до конца того срока, что был нам дан в «М-ском треугольнике». А потом... А что потом?

Умру ли я или останусь в живых — всё лучше, чем так жить. Я устала от всего. От людей, потому что это не люди, от воздуха, потому что это не воздух, от школы, потому что это не школа. А ведь *они* предупреждали нас — тогда можно было ещё что-то изменить. Легче от того, что будет Некто, кто нам поможет. Поможет выстоять. И, может быть, в Последней битве нам помогут и Они — Великие Воины Заповедной страны.

Теперь уже ничего нельзя изменить — если за десять лет до людей не дошли элементарные принципы человечности, то за полтора — тем более не дойдут.

Я ни о чём не жалею. Всё должен решить последний бой.

Кали-юга должна кончиться...

1998

Один, два, три, четыре... восемь ударов. Девять, десять... Звон раздаётся по всей России, по всей земле Русской. 98-й. Последний. Спичка уже поднесена, и в любую минуту бочка с порохом может взорваться... Ирак. Саддам Хусейн. Мишель де Нотр-Дам. Нострадамус... Он знал, он видел, он говорил, но его не слышали! Россия. Америка... Две великие державы. Скоро!

Перед глазами картина: идёт какое-то заседание, умные люди в пиджаках, с вспотевшими от шевеления мозгов лысынами, говорят умные вещи, иногда записывая в блокнотик что-то особо глубокомысленное. Тишина, покой, спокойное жужжание докладчика...

А за стеклянной дверью — девушка, с растрёпанными волосами, с диким ужасом в глазах. Ангел смерти. Она (а может, я) стучит в дверь, барабанит по ней в отчаянии руками и ногами, кричит что-то... Но тщетно. Умные люди не услышат, и дверь заперта. Умные люди заняты умными делами, им некогда обращать внимание на подобные пустяки.

Она всё рвётся туда, к ним, а с востока наползает страшная чёрная туча. И ничего уже не видно, только её широко раскрытые, полные ужаса глаза...

Кали-юга должна кончиться, на смену ей придёт эра Водолея.

1999

Звоном похоронным раздаётся бой часов. Снова Новый год, и снова радость и праздник, снова желают все друг другу нового счастья, новых надежд... А они даже выглядят страшно, эти цифры: 1999. Дагор Дагоррат... Битва Битв... Просто жуть берёт, до каких мелочей всё сбывается. «Возрождение Чингисхана» — и вот какой-то мужчина не первой молодости вещает с экрана, что раскопал в архивах сведения о том, что его предком был Чингисхан.

Я бы не обратила на это внимания, если бы не календарь. А на календаре: 1998. Последний мирный. А сейчас действительно последний, и нужно собирать войско и считать часы и минуты. Да только войско собирать не из кого: разве это люди? Это же биороботы, и я тоже.

«...Мама, мы все смертельно больны...»

И я не могу идти в бой, хотя мечтала всю жизнь. Я привязана канатами к этому городу, и город меня не отпустит. Хотя, кто знает?..

Что делать, куда бежать? А, впрочем, зачем бежать, всё равно не убежишь от смерти. И от судьбы не убежишь. Лучше встретить её лицом к лицу, с улыбкой и песней, ведь что ни делается — всё к лучшему.

Кали-юга должна кончиться... Скорей бы... Сегодня снилось, что я должна покончить с собой, чтобы избежать более страшной участи. К чему бы это? Жаль, что я так и не нашла себя, не обрела хоть на пару дней счастья. Это единственное, о чём я жалею...

*«...Я не жалею ни о чём,
Осел фундамент, крепок дам,
А то, что понята с трудом,
То мне дороже...»*

*

Пожар занялся, курок спущен.
Югославия стала последней каплей.
Времени нет. Времени даже меньше, чем мы думаем.
Если не мы, то кто?

Два года спустя. 15.01.01.

Вот и наступило новое Тысячелетие. Вот и не случилось ничего, что изменило бы мир. Всё по-прежнему, только ещё страшнее, ещё безнадежнее. Так что же — великий пророк ошибался? Или мы снова неверно поняли его?

Нет, всё верно, мы слышали Зов, мы подняли головы, мы поняли правильно. Армагеддон — внутри нас, внутри каждого из нас, он плещется в провалах зрачков и мерно стучит в сердце. Прислушайтесь — разве вы сами этого не знали? Третья мировая уже началась, «третий потоп человеческой крови» бурлит вокруг нас. Посмотрите — мы стоим по колено в крови. Третья война — война в душах, война в Духе. И кто выстоит, а кому быть сломленным — неизвестно.

Наивные идеалисты, мы полагали, что грянет срок, и взвоют трубы, и поднимутся рати на смертный бой — на последний бой. И знамена с Великим Ликом будут реять над звоном мечей... Не так, конечно, но всё же...

А оказалось всё куда проще, куда банальней! Зачем тревожиться Врагу человеческому, если мы сами себе враги? Если мы сами, своими руками, своими мыслями, своими танками добросовестно выполним предназначённое. А *они*, из Пермской зоны, говорили о том же... Буднично, без пафоса мы творим конец Света — не мира, но Луча.

Говорят, наступила Новая Эра. Загляните в себя — в вас появилось ли что-нибудь новое? Или только старая усталость, прошлогодняя раздражённость, столетняя обречённость?..

Умные люди сказали — с Эрой Водолея. Не будем спорить с умными людьми — может, ещё всё и будет...

«С новой эрой вас, господа!..»

In nomine patris...

Золотом,
 кислым,
 вкусным,
 объял.

Знамя
 с ног
 валит, —

Хочет
 задрать
 нос.

Нас
 и в хвост
 и в гриву.

До этого
 где-то,
 когда-то

Было лучше:
 чище,
 слаще,
 проще,

И даже
 ночь была прожита
 с толком...

С волком
 в груди

Шёл,
 не нашёл,
 обернулся,
 упал
 и умер.

А ты пришёл...

Ты придёшь, но будет поздно...

А вот и ты — пришёл, когда не ждали,
Когда надежде спет заупокой.
И вот ты здесь. В недуманье печальном
По жёлтым листьям проведёшь рукой.

Сухие листья — жалкое прощанье,
Души, дотла сгоревшей, эпилог.
Ты — персонаж забытого романа,
Нечаянно прочтённый между строк.

Ахэнэ

В лапах запрятана сталь
Безвозмездность накажет
Ловкой уловкой опутаны ноги и руки
Серым мотком безнадёжно-мучительной пряжи
Ночь коротка и века от тебя до разлуки
Пуганый взгляд перекрашенной белой вороны
Пылью песка оседает мираж на ресницы
Ключ пополам переломлен твоей обороны?
Вешняя птица тебе ли сегодня приснится?
Реки дождя по лицу как спасенье от вето
Горечь полыни наполнила лёгкие ветра
Непреступившим непознана горечь ответа
Тысячи лет и всего полчаса до рассвета...
Здесь и сейчас. Мы не знали до этого лета.
Йэллэ Ахэнэ, кор-амэ о анти-эте.

Белому ангелу

Крылатому поэту Юле

А я была — крылатым белым ангелом!..

Лети, Белый Ангел!
Не дай тебе Бог никогда
Познать несвободу железобетонной темницы.
Я верю: того обойдёт стороною любая беда,
Кто с ветром и солнцем сумел навсегда породниться.

Лети, Белый Ангел!
Крылами взмахни над землёй
И песней небесной весну разбуди в каждом доме.
Светить и светиться — непросто в наш век непростой,
Как Данко, нести свой огонь в опалённых ладонях.

Лети, Белый Ангел!
Набатом буди города,
Весну славословь над ухом у спящих прохожих!
...А где-то далёко горит голубая звезда,
Светла, как и ты, и, как ты, одинокая тоже...

Лети, Белый Ангел!
Пусть ветер, пусть вьюга, — лети!
Сквозь хмурые дни и ненастные ночи — к рассвету...
Во тьме непроглядной помогут не сбиться с пути
Звезда голубая и вещее сердце Поэта...

* * *

Братцу Отису посвящается...

Братец, твои мозги бурлят круче вара в котле,
Из твоих бредовых идей хоть складывай зиккурат.
Ты, как никто, разобрался в истоках различия мух и котлет,
Не забыв заметить притом, что и тех, и других едят.

Следами твоих личин истоптаны сотни эпох,
Твоя жена на венчанье тебе отрезала хвост,
Твои трамваи идут на Мадагаскар и почти никогда — в депо,
Впрочем, до Марса трамвая тебе бы тоже хватило с лихвой.

И не важно, выть ли по-волчьи, кричать ли «Ктулху фхтагн!»,
Сидеть на красивом холме или в офисе плющить зад,
Зваться Элиас Отис, Эредраут или даже Роман —
Даёшь развлечения в жизнь простых бодхисатв!

Братец, и где бы ни рыскал твой серый нос,
В какие бы дебри тебя, бродягу, ни занесло,
В итоге мы всё равно на кухне будем глушить вино —
Побольше корицы, слышишь, — и можно совсем без слов!

Буривух

Я буду вечно лететь на свет.
Я буду долго молчать в ответ.
Я буду тихо идти след в след —
Броня и бред.

Я тёмной комнатой по глазам.
Я опустевший давно вокзал.
Осиротевшая бирюза.
Скажи: «Сезам».

Я окольцованный буривух.
Я выбираю одно из двух.
За отражением во весь дух
Лечу на слух.

Я морем раненный белый зверь.
Я презираю жизнь без потерь.
И я не верю богам теперь —
И ты не верь!

Ветер и дождь

Нет больше слов, нет больше слёз,
Есть только дождь и ветер.
Всё происходит невсерьёз
На этом странном свете.

За безразличия стеной —
Как за семью замками.
Земля становится страной
Из одиночных камер.

А жизнь — как сон, но сон навек:
Все чувства как в тумане.
И бьётся, бьётся человек,
Как бабочка в стакане.

Зачем мы здесь? — ответа нет.
Что нам в Любви и Смерти?
...Чернеет солнце, гаснет свет,
И снова дождь и ветер...

В ночи

До рассвета — две сотни лет.
Не часы, не минуты — века.
Продырявивший облака,
Невесомый струится свет.

Нету сил не то что — вздохнуть, —
Сердце биться устало в груди.
А назавтра — неблизкий путь,
Бесконечность лиг впереди.

Непреступных скал ледники,
И могучих твердынь врата...
Далеко на востоке клинки
Обращают в пыль города.

Будет день — значит, будет свет.
Где застала ночь, — там и дом.
Сбрось всю тяжесть прошедших лет,
Беспокойным забывшись сном.

Волк-одиночка

Уйди,
чтоб не слышала даже шагов,
не видела тени.
И снова вошла в лигу зрячих слепцов,
лелеющих полустлевиший остов
своих заблуждений.
Останься! —
ты можешь меня удержать
на гребне, на гребне!
Ты голосом Волка и пляской Огня
из зеркала снова глядишь на меня:
— Волшебник..
Со звоном
сплетались в экстазе мечи, —
ну что же, ну что же?!
И виделось время огарком свечи..
Ты знаешь, мы следствием многих причин
с тобою похожи!..

Волонтёры вечности

Ищу человека...

Нам в этом мире места нет,
Мы — порожденья Чёрных Дыр.
Нам не дано понять секрет
Земной бесцельной суеты.

Вдали от звёзд наш путь лежит, —
Скитальцев сумрачных дорог.
Мы покидаем рубежи,
Чтоб встретить беспощадный рок.

Мы приходили в этот мир —
В урочный день, в урочный час —
Помочь вам сделаться людьми,
А вы — не понимали нас.

Мы открывали вам глаза,
Мы не давали вам уснуть...
Взвивался в небо дым костра...
Другие продолжали путь.

Мы слыли белым вороньём,
Ведь разум нынче не в чести.
Мы вам откроем все пути —
И в межпланетный мрак уйдём.

Всадник

Чёрный конь нёсся степью. Звенела ночь
Разъярённой сталью чужих клинков,
И под мелкой кольчугой черным-черно,
И глаза холодней снеговых облаков.
Верный меч у бедра. Он один не подвёл,
Когда лица друзей корчил волчий оскал.
Слышишь, ветер рыдает в неволе у скал,
Помнишь, как, заклеимённый, приюта искал —
Не нашёл, и теперь делишь ночь на троих.
Даже ветер тягаться с тобою устал,
Поскулил, словно раненый пёс, и затих,
Вкруг разбитых копыт оплеться бечевой...
Умирала звезда над твоей головой,
А над чёрно-пылающей горной грядой
Занимался пьянящий рассвет огневой...

* * *

Выпустили из силков птицу,
Вырвались из капканов звери.
Может, в полночь приснится, —
Эх, да только вряд ли поверю.

Птица устремляется выше,
Зверь укрылся в чаще столетней,
Может, на рассвете услышу,
Только крепок сон на рассвете.

Крылья птицы в небо вонзились,
Зверя клык — в бегущую спину.
Днём придут забытые силы,
Только на закате покинут.

Птичий клич напомнит о вечном,
Два зрачка во тьме зеленеют.
В утро превращается вечер,
Только если он мудренее...

Выстрел

Не подходи
ближе, чем выстрел!
Метим друг другу
в душу, в сердце.

Это война
жизни с жизнью,
Эта война —
хуже смерти.

Боже, за что
так наказуешь?!
Хватит на всё ли
терпенья в сердце?
Эта ромашка —
любишь — не любишь —
Хуже кошмара,
хуже смерти!

Не подходи
ближе, чем выстрел!
Я ли спущу курок
первой?
Это война
мысли с мыслью,
Это война
нерва с нервом.

Гадкие лебеди

*Мы были рождены летать,
Нас ползать приучить хотели...*

Мы верили им: как не верить им было! —
Послушно ползли вслед за ними в грязи.
Пылились в кладовках заветные крылья,
А нам днём и ночью твердили: «Ползи!»

«Зачем тебе небо? Там пусто и мрачно,
Там воздух разрежен и тяжесть в груди.
Зачем тебе небо? Там холод собачий...
Ты под ноги лучше почаще гляди!»

И мы терпеливо глядели под ноги,
В пыли задыхаясь, глотая песок.
И то, что мы шли по неверной дороге,
Нам было в ту пору ещё невдомёк.

Так годы бежали, а дети выросли.
Меж нами и вами вставала стена.
Но время настало — и мы полетели,
Очнувшись однажды от долгого сна.

Мы вас не виним: вы как лучше хотели.
Жестокого века — не ваша — вина,
Что гадкие лебеди вдруг улетели,
А город дождей растопила весна...

Град Обречённый

Синие, заснеженные тени
В отблесках неоновом солнца.
Это город зимних сновидений;
Этот город больше не проснётся.

Шоры на глазах, и в сердце пусто.
Здесь тебе никто не улыбнётся.
Полиэтиленовые чувства,
Вечное неоновое солнце...

Как ты оказался здесь, мечтатель?
Занесён сюда какою бурей, —
В город, где банальный выключатель
Гасит солнце в чёрном абажуре?

Поводя озябшими плечами,
Ты идёшь по улицам уснувшим.
Здесь тебя никто не замечает...
Город спит. И ты ему не нужен!

Ты пришёл напрасно, странник звёздный!
Не зови, — никто не отзовётся.
Странник, ты явился слишком поздно:
Город спит. И больше не проснётся.

Жёлтый цветок

Не выплакать едких кинжальных обид,
приправленных солью.
Не вызвездить небо
росистыми тропами ждущих.
Не выискрить пятнами талой воды
в подпалинах снега
Покорно застывшую в мрамор
скульптуру у входа.
Мушкетеры давали осечку,
И крепкие копыя ломались,
Тупились стилеты о невозмутимость бетона.
Не высказать битых-избитых камнями
вопросов при встрече.
Не выпустить к солнцу
ослепшую глупую птицу.
Весна откричала вдали
жизнерадостным громом.
Желтеет увядший цветок
на могильной плите у собора.
Стекают по стенам
потёки протухшего мёда.
Вцепилась в решётку
олигофреничная птица.
Не выплакать море...

Зачем же ты здесь?

Ты слышишь, как ветер свистит в опустевших давно коридорах?
Ты слышишь серебряный звон расколовшейся чаши небес?
Ты чувствуешь дождь на лице, пропахший металлом и скорбью?
Ты видишь асфальт вместо неба? Зачем же ты здесь?

Зверик

Не смейся надо мной,
Я маленький и слабый,
Я загнанный зверёк
Над пропастью во ржи.
Несказанный пароль,
Щенок с подбитой лапой,
Упавший колосок,
Забытый у межи.

Не смейся надо мной —
Я сам могу смеяться —
Над миром, над собой,
И доводить до слёз.
И, жертвуя весной,
Привычно улыбаться,
Ведомый на убой,
Что всё это всерьёз.

Не смейся, не жалей,
А то я просто струшу
И, опустивши хвост,
Надменно удалюсь.
Садовник-дуралей
Трясёт меня, как грушу,
И я, покинув пост,
На головы валюсь!

Зверь

В прорехах окон разверзается тяжесть глубин,
Над крышей из вечера — лунный портрет старика.
Опять не заснуть. Не понять, не забыть — ты один.
Глаза холодит неизбывная волчья тоска.

Похмельный туман раздирая шагами в куски,
Плывёшь, оставляя в кильватере веру в любовь.
Отринув надежду сердитым движеньем руки,
Цепляешь броню на глухую звериную боль.

А где те ветра, что бессмысленный сдуют навет
И стен позлащённых разрушат немые твердыни?
Над заспанным морем алеет для кого-то рассвет —
Под волчьими веками — чёрное солнце пустыни...

Игра

В игре моей рождается истина —
Падут перед нею миражи,
Мой выигрыш ночами выстонан.
Дурного слова не скажи!..

Молчи. — Прошу.
 Поверь, не золото
Молчание, а серебро.
Игра моя завоюет с голоду
И станет нашею игрой.

Итог

Вьюгой завьюжило.

Море затянуто мокрой мятущейся мглою.

Выпить до дна

поминальную чашу гандхарва.

Вытекло время

в разверстую пасть

сантехнической твари.

Ветер утих.

В тёмной комнате запах сирени.

Солнце в закат.

А трамвайные рельсы

в осколках от битых бутылок.

Пьяный малыш

утирает слезу чьим-то грязным жилетом.

Серые тени.

Истёрты, исчерчены тёрном,

исчезли до срока.

Окна молчат.

В тёмной комнате

горечь полыни.

Калагия

Я взойду на самые высокие горы Гималаев,
Поднимусь на самые заснеженные выси,
Отыщу заветную страну, в которой всходит солнце,
Даже если пред её стенами я погибну!..

Когда кончится день

Что же будет тогда, когда кончится день,
Когда ночь чёрной кошкой неслышно придёт?
Будет смерть или смех? будет пламя иль лёд?
Радость встречи иль пьяная горечь потерь?

Обретённый ли ад? рукотворный ли рай?
Свет далёкой звезды иль болотный огонь?
Бесприютность навек или вечный покой? —
Ты стоишь у развилки дорог: выбирай!

Ещё можно с достоинством в тень отойти:
До тебя ли тогда, когда кончится день?
Но подумай сперва: а сумеет ли тень
Уберечь от тревог, что грядут впереди?

Что же станет тогда, когда день отгорит,
С миллионами судеб, растоптанных в прах?
Позабудется стыд, позабудется страх,
Безысходность отступит, а боль отболит.

Вместо солнца пускай догорает свеча.
Мы погасим в камине остатки зари.
Пусть в обрывках надежд старый день догорит.
Мы уходим, чтоб новое утро встречать.

Король без королевства

Где-то солнце встаёт, пробегая рассветным лучом по белым стенам,
Где-то, сумрак ночной разгоняя, бездумная светит луна,
Где-то горных вершин ледники пылают закатным огнём,
Где-то звёзды мерцают на бархатном небе ночном...
Но что тебе в них?

Тебе сумрак подай и дрожащее пламя оплывших в шандалах свечей,
Чтоб твою тишину не порвал, не нарушил бы окрик нежданный ничей,
А твои берега, натянув покрывало извечных туманов седых,
Недоступны для глаз и штормов не страшатся морских.
Ведь что тебе в них!

И тебе всё равно, что гавань твою обойдут корабли стороной:
Ты немых бастионов и замков песчаных король.
И сюда не доносится эхо раздоров людских...
Словно волк или Бог,
Навсегда одинок,
Ни друзей, ни врагов не искал.
Ибо что тебе в них!..

Кошка

Огонь на лезвии кинжала.
Луна
 в разрывы туч
 бежала.

Не поняла, не удержала.
Ну, Бог с тобой!
Звезда
в озёрах глаз дрожала,
В смятенье
ночь стихи рожала,
И яд
с отравленного жала
Сочился в кровь.
Мятежная,
к груди прижала,
Не крикнула, не удержала,
По снегу долго вслед бежала —
Не встретить вновь...
Шальная
на снегу лежала,
Луну
зрачками отражала,
В ночь кошкой чёрной
 убежала —
Прощай, герой!

Мелочи

Сколько ненужных вещей
 в ежедневных метаньях!
Мучаю стих, просыпая на буквы песок.
Я позабыла во снах не-весомость летанья
И не-известность поросших осотом дорог.

Шкаф платяной
 не откроет при мне свои дверцы,
Пламенный вестник
 за мной не прискачет в ночи.
Кончилось детство. Но бедное, глупое сердце
Верит, надеется, любит
 и всё же стучит.

* * *

Это всё, что останется после меня...

Мне нужно небо, мне нужен ветер,
И звёзд алмазы над головой.
И больше нет ничего на свете,
Что я могла б унести с собой.

Молитва о Чайке

А Чайки летали у края земли,
Сверкали их крылья в лазурной дали.

В смятенье от них отступала зима...
Я с ними как будто летала сама...

Я с ними как будто сходила с ума,
И падала ниц вековая тюрьма.

Слезами молиться в сосновом бору —
Мне Чайка приснится, когда я умру...

Моменты единения

Холодным воздухом пронизаны,
Летят моменты единения.
На острие стихотворения,
Являясь многогранной призмою,
Живу — забытое творение,
Несовершенное пророчество,
Я на обрыве одиночества
Даю зверям уроки пения.

Вокруг листва безлико кружится
И под ноги бесшумно стелется.
Не устаю опять надеяться
И растекаться терпкой лужицей,
Когда, безумным представлением,
Как песнями сирен, окружены,
Уносятся по воле случая
В... астрал моменты единения...

* * *

Пожелай мне удачи в бою...

Мы слишком много потеряли в этой битве,
И слишком многие свернули с полпути.
Сейчас уже не время для молитвы:
Нам новый бой предсказан впереди.

Мы, как всегда, зациклились на фактах.
Текли минуты, сыпался песок.
И трубный глас, раздавшийся внезапно,
Застал нас, разумеется, врасплох.

Мы слишком многих потеряли в этой битве.
Да, слишком высока была цена!..
Вперёд! Наступит позже час молитвы:
Когда свой долг мы отдадим сполна.

Небо над городом
(на излёте III цикла моего существования)

На излёте стрела
 поразит свою цель
И небо над городом
 сделает ниже.
Пойми же! —
 небо над городом —
 это фантазия!
Там не было неба —
Помнишь, мы туда лазили!
Видели,
 трогали,
 губами щупали,
Драли в куски озверевшими щуками...
Там не было неба —
 небом чуяли!
Там пахло хлебом и фекалиями...
За убийство неба —
 неба над городом,
 неба под черепом —
Отмотали мы,
Отлетали мы
И упали.
 На излёте...

Новый Гаутама

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный», —
В томленья тягостном юродствуют умы.
Не зарекайся от тюрьмы да от сумы,
И под седло не подставляй хребет покорный.

Под суицидно-белым потолком
В горячих грёзах отрок нервно дремлет.
Он ничего не отдаёт и не приемлет,
Болея самонаркотическим мирком.

Уста, провозглашающие Путь,
Лелеют Будды отрешённую улыбку...
Он совершил глупейшую ошибку, —
Вообразил, что понял жизни суть.

Ночная цитадель

Сеть городских магистралей
Крепко скрутила сознание.
Город вздыхает устало,
Словно в немом ожидании.

Криком зайдёшься в бессилье,
Возгласом боли и гнева...
Строки нещадно вонзились
Стрелами в низкое небо.

Стены не спрячут от грусти,
Ночь не укроет от взглядов,
Город тебя не отпустит,
Ты не запросишь пощады.

*

...Бури вдали отремели,
Годы промчались, как ветер.
Где-то в Ночной Цитадели
Снова споют о рассвете.

Вновь дрогнет тьма над стенами,
Вспыхнет пожар в поднебесье,
И в предрассветном тумане
Сталь запоёт свою песню...

*

Сонная тишь над рекою.
Небо привычно бесцветно...
Так в тишине и покое
Жизнь пролетает бесследно...

Ночь

Мама, пойми, я не могу так жить,
Видеть пустые глаза пластилиновых душ.
Мама, пойми, мне душно под небом лжи!
Мир вокруг нереален, как будто в кошмарном бреду.

Я не хочу больше видеть четыре стены,
Я не хочу больше слышать заезженных фраз!
Мама, поверь, мы все смертельно больны:
Медицина бессильна что-либо сделать для нас!

Где-то вдали чуть мерцает спасительный свет, —
Но время упущено: он нам не сможет помочь.
Уже слишком поздно. Путь к отступлению нет.
А впереди — только ночь, беспросветная ночь!..

Одиночество

Это хуже смерти,
Это ночь без сна —
Одиночество
В четырёх стенах.

В четырёх стенах,
Посреди толпы,
Леденящий страх
За ещё живых.

Ночь накрыла мир,
Мне не место тут:
Этот мир людьми
Под себя прогнут.

Распахну окно —
Ветер на виски,
Одиночество
Ледяной тоски.

А вокруг, звеня,
Голоса плывут,
Оплетут меня
Колыбелью пут.

Беззаботные —
Им неведом страх
Одиночества
В четырёх стенах.

Чтоб не видеть глаз их
Беспечный свет,
Голову в крыло, —
Только крыльев нет.

Радость бытия
Брызжет в их глазах,
Запираюсь я
В четырёх стенах.

В четырёх стенах,
Потолок — плитой...
Эй, откликнитесь,
Кто ещё живой!

Кто живую боль
Сохранил взамен
Равнодушию
Безмянных стен...

*

Тишина в ответ,
За окном — луна...
Я в плену навек
В четырёх стенах!..

Ожидание

Перепутались речи и помыслы,
Перепутались правда и сны.
Звуки тихого, вечного голоса
За раскатами войн не слышны.

Солнце шаром взошло красно-пепельным,
Оплавая, как свежая кровь,
И исчезло в тумане над Прегелем,
И уже не появится вновь.

Всё бывшее завеса туманная
Схоронила под полой плаща...
Где же Воинство Сил долгожданное,
Что нам старый пророк обещал?!

Памятник

Голову
 выставив
 гордо
Под град,
 под топор,
 под плевки
 обозлённых прохожих,
Твёрдо стою на цементном
 своём постаменте.
Рядом один лез из кожи,
 чтоб было похоже
 на памятник тоже.
Думал, сверзившись опять,
 что всё дело в цементе...

Песнь той, что ушла в никуда

Скажи, ты сумел бы так уйти,
Чтоб никто не заметил, что тебя больше нет?
Скажи, ты сумел бы не сбиться с пути,
Летя мотыльком на свет?

Встречать спокойно удары судьбы,
Коварные, в спину, из-за угла...
Скажи, ты бы смог, не отчаялся бы?
Как видишь, я — не смогла.

Не суди, не зная, а узнав — прости:
Это достойнее, чем наказать.
Мне — вечное бремя ошибок нести,
Тебе — не смотреть назад.

Не нужно сейчас ничего говорить:
Я теперь только тень, только лунный блик.
Ты должен за нас двоих отомстить
И выжить за нас двоих.

Увы, слишком многим теперь всё равно,
Увы, не всем суждено пройти.
Они отреклись, и забыты давно...
Я всё сказала. Иди.

Плач о Лилит

Любить усталость глаз твоих —
Авансом данную усталость...
Так мало мне тебя досталось —
Ловить на солнце лунный блик.

О, вечноправедная плоть!
Тебя бессильно проклиная.
Ты не поймёшь, что я — иная,
Судьбы надкушенный ломоть.

Нам в запределье естества
Недолго бражничать осталось —
Ты убежишь в свою усталость,
Я — как всегда. Я не права.

Планета осуждённых

Обманчивое солнце над беспечной голубой планетой,
Бетонная дорога в Никуда для осуждённого на смерть.
Ленивая истома и покой до странности улыбчивого лета...
Как трудно выбрать раз и навсегда, чтобы потом не пожалеть!

Правдивые до боли миражи, реальней, чем поблёкшая реальность,
Надуманные фразы и слова, не выражающие суть...
Как мало нынче тех, кто поборол всеобщую смертельную усталость,
Как мало нынче тех, кто не поддался искушению заснуть.

Вчерашний друг окинет взглядом отчуждённо,
Не замедляя шаг и не подав руки, пройдёт...
«Земля! Земля!..» — Планета осуждённых:
Пришла пора шагнуть на эшафот.

Под стрелой

Не стой
Под стрелой
Под грузом
Лет
Бед
И обид —
Упадёшь!
Не стой
Слезой
Каменной,
Столпом
Подпирая небо —
Не сто-

-ит мучиться.

Гадкий орлёнок
Учится
Лететь,
Петь
И ползать
Пузом.
Под грузом
Мелочей-
Кирпичей
Трудно дышится,
Воздух крошится,
Смех ерошится.
Спиться,
Забьтсья —
Пусть

груз

И грусть
В грудь —
Забудь
всё...

Стоять
Под стрелой,
Стрелять
В Никуда —
Чревато.
От свата
До брата —
Хваты

и гады —

Волки!
Осколки
От солнца
В окне —
 мне.
И света —
Нету. —
Карету мне,
Карету!
Глушь,
Тишь,
Блажь...

*

Не стой
Под стрелой —
Не стойт...

Пой песню!

Эй, а кто будет петь, если все будут спать?..

Пой гимн несбывшейся мечте!
Пой песню умершей надежде!
Друзья не вспомнят о тебе,
И ты уже не тот, что прежде.

Пой об ушедших в мир иной,
О тех, кто не успел родиться!..
Не останавливайся — пой!
Что начал ты, продолжат птицы.

Вой волком на оскал луны,
Скули, как пёс с подбитой лапой!
Все пораженья прощены,
И ничего не нужно прятать.

Пой ветром в коридорах скал,
Шуми дождём о мокрый гравий,
Что ты всю жизнь не там искал
И ничего не смог исправить.

После беды

И снова будет биться о стекло
Моя некольцованная птица.
И снова, без дороги, наугад,
Уходят трое под дождливый кров.
И Чайка снова оставляет дом,
В надежде никогда не возвратиться,
И снова возвращается назад,
Попав в силки чужих, бредовых снов.

И снова будут петь и танцевать,
Разглядывая постеры на стенах,
И снова будет больно уходить,
Пока не завершён порочный круг.
И пледом не покрытая кровать,
Хранящая нетронутость постели,
И паутинно-тоненькая нить
Меж мной и тем, что прежде звался — друг.

Меж мной и тем, что было свято прежде,
Меж мной и начинающимся днём:
Как дань неумирающей надежде,
Как дань тому, что выжжено огнём.

Последний герой

Доброе утро, последний герой!..

Горел высоким пламенем закат,
В волнах текла расплавленная медь.
Тому не повернуть уже назад,
Кто на рассвете должен умереть.

Он вечно так боялся не успеть,
Кидался в жизнь, как в омут головой.
Он был обязан жить. Но принял смерть,
Пройдя сквозь очистительный огонь.

* * *

Пригaitься клубочком
У тебя на ладони,
Серым, мягким и тёплым —
И тихонько мурлыкать.
Щекотаться усами
И бархатной лапкой
Раскачивать в ухе
Египетский крестик...

Птенцы человеческие

Не проходило часа,
чтобы нам не били в лицо
хлыстами жестоких слов.
Мы пытались выплыть
против течения,
но вязли в текучем свинце
однобоких дней.
Мы хотели летать, —
нас безжалостно били, —
наивных крылатых птенцов.
Мы искали свой дом,
наши мысли топили в вине.

Наши руки, как плети,
безвольно повисли вдоль тел.
Наши крылья поломаны
чьей-то тяжёлой рукой.
Не проходит и часа,
чтобы кто-то из нас
не спрятал глаза в темноте,
уставая искать,
уповая на вечный покой.

*

Я шагами измерю
мозаику улиц незнакомых,
чьи мосты и дома
как-то ночью
приснились не мне.
Я зарю в осеннее золото
призрак надежды:
может, вырастет
тонким зелёным ростком
по весне...

Раритет

Просто зима.

Я звёзды ловила глазами из окон авто.

Просто сама.

Никто не придёт, не найдёт, не поможет никто.

Нет на билет.

Продрогшему городу в пику иду не спеша.

Я раритет.

И слишком темно и тоскливо,

чтоб что-то решать...

Рождённые огнём

Это было давно, не с тобой и не здесь,
Это было в начале дней.
Но ты помнишь, как, в яростном пламени весь,
Из огня родился мир людей.

И огонь переплавил созвездья в песок,
А песок заставил гореть.
И, погнавшись за солнцем, ушёл на Восток,
Вместо неба оставив медь.

А когда он ушёл с обожжённой земли,
Ему вслед глядели они,
Те, что с пламенем вместе из Бездны пришли, —
Те, что станут позднее людьми...

Это было давно, но ты помнишь навек
Тот огонь из начала дней.
Не позволить забыть — вот твой долг, Человек,
Чья душа закалилась в огне!

* * *

Сколько нежности — вылила, будто выплюнула
Кожуру от семечки на кафельный пол.
Безнадёжности ради реяла вымпелом
И полночным трамваем спешила в депо.

Сумасбродная! — с ветром носилась осенью,
Собирала ночные фонарики втихаря...
Благородному страннику — вечеру, синему с проседью,
Доверяла тоски затаённую глубь... И молясь

Неизбежности, словно нелепому идолу —
Как наивный дикарь в чужедальнем, заморском краю, —
Столько нежности — не жалея, ушатом вылила
На шальную, бедовую, глупую душу твою.

* * *

Скажи, хоть что-нибудь значит
То, что ты сейчас здесь?
Смотри — потерянно плачет
Застывшая твердь небес.
И я не хочу иначе —
Тем более — без.

Случайности бывают?..

Случайности бывают в этом мире.
Прикованный к утёсу Прометей,
Река и лес в двухкомнатной квартире,
И фа-диез-минорный скрип дверей.

Звезда-бродяга подмигнёт случайно,
Случайно приземлится на ладонь,
Растает от горячего дыханья
И утечёт случайною водой.

Случайных встреч случайные сонеты,
Случайных строк окисленная медь...
Как много крови пролито за это, —
Возможность неслучайно умереть!..

Но как порой жесток бывает случай —
Судьбы двояковыпуклый оскал:
С надеждой повернёшь дверную ручку —
И вдруг поймёшь, что не туда попал...

Странная

А знаете, я была вчера в городе,
Не в том, что с домами и площадью,
С больными людьми и собаками,
С краюшкой луны над деревьями...
А в солнечном, красном с золотом,
Где дети катались на лошади,
Где ветки росой плакали,
Где и ты, и я были первыми.

И кто-то глазами жёлтыми
Смотрел с высоты на улицы
И слышался звон колокольчиков
Над клёнами и капитанами...

*

А люди с овечьими мордами
Опять недоверчиво щурятся —
С них хватит этих прикольчиков,
Да и личность какая-то странная...

*

А знаете, я была вчера...

* * *

Струны били по пальцам,
До крови, до боли,
Выпивали меня
Без стыда, без остатка
Я бездомным скитальцем
Тебе на ладони
Прилетаю ронять
Свои камни украдкой.
И со шкур цвета солнца
Не вылизать пятна
И в серебряных перьях —
Пожары отметин...
 ...Кошка к дому вернётся-
Скребётся обратно —
Только заперты двери.
Ты опять не ответил.

Сумерки

*Ты — первенец утра, я же — дочь ночи.
Ты приходишь с рассветом и уходишь с закатом,
а я прихожу с закатом и ухожу с рассветом,
и нам никогда не встретиться...*

Я не умею писать красивых стихов
О соловьях и прелести лунной ночи.
Словно клинок, заостряю железо слов,
Гулом чужих морей наполняя строчки.

Холод манящих глубин безвоздушных пространств
Заледенил немотой зовущие губы.
Ты бы тихонько шепнул на ухо: «Пора!..» —
Я говорю: «Услышь боевые трубы!»

Нет, видимо, эти звёзды — не для меня,
И Млечный Путь не мне укажет дорогу.
Ты уходил в закат последнего дня,
Я оставалась стоять на пустом пороге.

Сумерки место встречи назначат вновь,
Где день и ночь на миг обнимут друг друга...
Я не умею писать красивых стихов.
...Что ты, какой соловей, — это плачет вьюга!..

Уходили дни

Уходили дни, растекалась вода,
Недопев, улетали птицы,
По ночам вздыхали во сне города
И в приветствии скалились лица.

Не хватало слов, догорал огонь,
Отчуждённость плела тенета,
И с седлом опустевшим буланый конь
Бесприютно скитался где-то...

Где-то, где поля бирюзой полны,
Где шумят в верхушках берёз ветра,
Где песок горит от морской волны
И жемчужно-серые вечера...

Ну а нам с тобой — полуночный бред,
Не хватает слов, не горит огонь,
Не для нас цветёт в небесах рассвет
И моря шумят не для нас с тобой.

Мы зажаты в серость чужих домов,
Заманивших в плен карамелью глаз...
Звонко падали в Лету капли слов,
Уходили дни. Только мимо нас...

Чёрно-красные

(на выбор — Стендаль или Кинчев)

Вороньё — существа опасные —
Налетят гурьбой — плохо дело!
Эй, пернатые, чёрно-красные!
И откуда такая смелость?

Чресполосица, окоlesiца —
Сотни клювов терзают тело...
Взять бы, что ли, да с горя повеситься —
Но — не так умереть хотелось!

Вороньё — календарные сволочи,
И когда ж ваша стая кончится?!
Не летится мне лунной полночью,
Да и попросту жить не хочется.

Затянули под крылья-лопасти,
Захлестнули хомут на шею...
Хоть на выдох у края пропасти
Оглянуться назад успею?..

Чёрный восход (Ты)

Похоже на сон.
На сон на заре,
когда золотые лучи коснутся лба.
Похоже на бред.
На сказочный бред,
когда не знаешь, где кончилась явь
и берёт начало мечта.

Я у моста.
На том берегу
разгорается Чёрный Восход.
Я на краю.
Гулом ответят на крик
тысячи миль пустоты.
Но горячая сила
властно толкает вперёд.
Там, за кромкой воды —
Ты.

Боль в небесах.
Боль зажгла в небесах
огненные витражи.
Чёрный восход
раскроил мою душу
на ситцевые лоскуты.
Чьи-то глаза
обожгли янтарём и дали мне силы жить.
Там, у предвечных вод —
Ты.

Нечем дышать.
Оттолкнувшись от края земли, совершаю прыжок.
Не долететь.
Обгоревшей звездой —
с высоты.
Там, у гранитной плиты,
где разбились мечты,
кто-то свечи зажжёт.
Там, у черты,
возлагаешь цветы —
Ты.

Шестое чувство

Увидеть всё в ином свете,
Услышать мир шестым чувством.
В бульжником закованном проспекте
Увидеть сожжённую солнцем пустошь.

В дневном томленьи гудящих улиц
Почуять мощь водопадов горных,
И в крике, рвущем упрямые скулы,
Взметнуть до неба грозовые волны.

А в жале молнии бело-жгучей
Увидеть блеск раскалённой стали
И вспомнить, глядя в седые тучи,
Что *было* время, — и мы летали...

Шёл дождь

Дождь смывает пепел...

А дождь всё шёл и шёл стеной,
С земли смывая пыль и прах.
В дождь окунулась с головой
Листва на старых тополях.

А дождь всё шёл, и вместе с ним
Шла вечность в кисее дождей.
А город спал, а город жил,
Не зная, что подвластен ей.

Он мирно спал и знать не знал,
Что дождь — возмездие за кровь.
Шёл дождь. И медленно смывал
Отлакированный покров.

А дождь идёт за годом год,
Унылый, равнодушный дождь,
Покуда город не поймёт,
Что жизнь — игра, а счастье — ложь.

Шиза

А времена горенья миновали.
Гореть теперь осталось только клёнам,
Да иногда щекам, что, впрочем, реже —
Недаром твёрдой покрывались шкуркой.
Моя шиза в заброшенном подвале
Дрожит в углу, от сырости зелёном.
Ей скоро пуповину перережут
И исключат из партии придурков

Останется, уныло воздыхая,
Бродить, ловя безумия частицы,
Себя вотще обманывая снова,
Поймав, в который раз, всего лишь насморк.
На колбасе последнего трамвая
Моя шиза в ночную муть умчится.
Отныне я психически здорова.
Понять бы только — на смех или на смерть.

Это ты!

Это ты
Пробежал ветерком по извилам моих рассуждений,
запылённых и нудных, как старый гербарий,
превратил их в цветы —
Это — ты?
Ты окликнул по имени Тень, что без имени бродит
в беспределе зеркал,
преломляя чужие черты —
Это — ты..
Ты разлил небосвод тёмно-синим штандартом полёта
и, давая свободу, придумал кометам хвосты —
Это — ты!
Это — ты!
Я узнала тебя через многие лета забвенья:
ты спокойно шагал сквозь заснеженную пустоту...
Подожди —
я иду!

Я знаю!

Я знаю, что будет, если
Налить до краёв до самых
Такие непрочные ныне
Усталые души болью. —
Безвкусными станут песни,
Напрасными звёзды станут,
Земля в тот же миг остынет,
А снег обернётся солью.

Чугунно-тяжёлой силой
Жестоко к земле прижаты,
Уж больше звенеть не будут
Хрустальные души эти.
Плененье невыносимо:
Земля не мила крылатым!
Я знаю: в преддверье бури
Всегда утихает ветер...

А Муза моя бескрыла:
Бредёт, головой поникла, —
Душа ведь до края болью
Налита, — какие песни!..
И пятнами пеницилла
Покрыта её туника,
И перья побиты молью...
Я знаю, что будет — *если!*..

Я не с этой земли

Я не с этой земли: мой дом — неизведанный космос,
Где звёзды горят, даря ослепительный свет,
Где другие плывут корабли, покоряя иные просторы
Океанов далёких, затерянных в небе планет.

Каждый раз, когда в небе ночном зажигаются звёзды,
Моё сердце сжимает чужая, нездешняя грусть.
То по дому тоска. И, смахнув набежавшие слёзы,
Я клятву даю, что вернусь, непременно вернусь.

Пусть дожждётся меня та звезда, что пригрезилась ночью.
Я навстречу иду, отмеряя земные года.
Крепко держит земля, отпускать меня, видно, не хочет, —
Но дождись, ведь немного осталось, родная звезда!

В час огня

Я встретила его у Большого Обрыва, в час, когда небо било по всему, что ниже, оранжевыми сполохами.

Он сидел, маленький, золотоволосый, обхватив руками колени, и смотрел на беснующееся небо. По лицу его текли слёзы, а глаза — огромные, серые, несчастные — были устремлены туда, где оранжевые вихри разбивались о кромку Чёрных скал, едва различимых отсюда.

Бешеное небо вспыхивало в его зрачках, отчего казалось, что по щекам текут не слёзы, а потоки расплавленной магмы.

Он обернулся на шорох моих шагов, на лицо упала тень, глаза стали совсем чёрными и выглядели ещё больше и несчастнее, а волосы зажглись пламенным ореолом. Молча, напряжённо и чуть испуганно следил он за тем, как я подхожу и сажусь рядом, — совсем как дикий зверёныш, — а потом торопливым и неловким движением вытер глаза.

Некоторое время он сидел молча, искоса поглядывая на меня. Я видела, как задрожал его подбородок, искривились губы. Он повернулся ко мне и почти крикнул сквозь новые потоки магмы, заструившиеся по худому личику:

— Я не хотел! Не хотел! Я не знал, что так получится!

Он захлебнулся от плача и уткнулся головой в колени, вздрагивая и всхлипывая.

Я обняла его, маленького, заплаканного Демиурга, беспомощного и всемогущего, и подула в золотые пёрышки волос на макушке.

Он поднял голову, и мы стали смотреть на оранжевое, словно взбесившееся небо, разбивающееся тысячей огненных копий там, далеко, у самых Чёрных скал...

Испытание огня

*Для будущего мы встаём ото сна.
Для будущего обновляем покровы.
Для будущего устремляемся мыслью.
Для будущего собираем силы...
Мы услышим шаги стихии огня,
но будем уже готовы
управлять волнами пламени.*

Сегодня на улицах был пепел. Он летел с неба, и непонятно было, откуда он брался. Казалось, что горит само небо, пронзительно, неестественно синее и яркое. Люди шли и не замечали. Они не знали, не могли догадываться, что где-то здесь, рядом, отгорела чья-то прежняя жизнь. Пепел летел с неба, подхваченный ветром, порхал с места на место, чёрными жгутами лежал на земле. Как будто жгли верёвки, связывавшие уставшую душу с этим бренным миром.

Я шла среди пепла, как птица Феникс. Пепел летел передо мной, пепел был у меня в волосах, пепел устилал мне дорогу. Горел картонный город, горел фанерный мир, и скоро мы должны были увидеть новое небо.

Когда старое догорит...

Лалангамена

Он стоял и смотрел на небо. Порыв осеннего ветра кинул русую прядь, выбившуюся из-под кожаного ремешка, ему в глаза. По темнеющему небу неслись рваные серые тучи, более светлые, чем сквозящая между ними высь.

Он обернулся и, прищурившись, взгляделся в стоящий на лесной прогалине дом, — взгляделся так, словно боялся, что тот исчезнет. Но дом не исчезал, а лишь вспыхнул приветливо прямоугольником четырёх окон, а в двух других, тёмных, открытых, качнулись от ветра занавески. Окна уютно мерцали, над трубой поднимался и, прибитый ветром, стелился вдоль крыши столб дыма. У крыльца, сделанного в виде терема, беспомощно всплеснула раздетыми ветвями посаженная им яблоня. Широкий двор то светлел, то погружался во тьму, следуя за прихотливой игрой туч.

Это был *его* дом, дом, построенный его руками, дом, в котором он, наконец, нашёл свой причал после долгих, бесприютных странствий.

Когда он пришёл сюда семь лет назад, здесь не было ничего, кроме леса. Леса и неба. Он знал, что так будет, он стремился к этому всю жизнь... Он мечтал о доме — своём Доме, но не находил его нигде, всё было чужое ему. Он глядел на дома, казавшиеся такими заманчивыми с той стороны стёкол, но, заходя в них, видел лишь скуку и пыль. И тогда он решился. Однажды на рассвете он покинул Город, чтобы никогда больше к нему не вернуться. Он пришёл сюда и создал из ничего всё: свой дом, свой мир, свою мечту... Было невероятно трудно, особенно поначалу, когда всё валялось из рук и неясно было, с какого конца браться за дело; порой, когда он без сил падал и закрывал глаза, ему хотелось бросить всё и бежать снова под неоновый купол, туда, где всё решено за тебя и до предела, до ужаса ясно и безнадежно. Когда перед глазами от усталости вспыхивало огненное колесо, он думал, что не выдержит...

Но он выдержал. Он стоял, освещённый ласковым жёлтым светом, и смотрел на небо, где в разрывах туч на короткие мгновения показывалась луна, уже окружённая по-зимнему радужным ореолом.

Дверь дома отворилась, уронив на землю светлую полосу, и на крыльцо вышла его подруга, которая прошла вместе с ним до конца, не испугавшись и не поколебавшись ни на минуту. Она подошла к нему и тихо обняла его за плечи, зарывшись лицом в волосы на его затылке.

Он стоял и смотрел на небо. На его глаза навернулись слёзы. Он сделал, он смог сделать это: он создал свой Дом, где его будут ждать, и куда он всегда сможет вернуться...

Падение

Бац! С хрустом ломаются кости. Земля встретила сурово и неприветливо. А ты и забыл уже, что она так встречает. Встречает тех, кто слишком далеко от неё оторвался. Помнишь, когда ты в первый раз расправил крылья — тебе было страшно, — ты знал, что такое земля и как больно падать, даже если просто поскользнёшься на обледенелом тротуаре, а вот что такое летать, ты не знал. И когда ты взмыл над крышами, кронами, городом, рекой и лесом, ты замер от восторга пополам с ужасом и, испугавшись собственной смелости, ринулся вниз — поближе к земле...

Позже ты настолько свыкся с полётом, что только удивлялся, озирая с птичьей высоты свои владения, чего было так пугаться! А владения были действительно твоими, ибо видел их только ты да птицы, — но какое дело птицам, спешащим по своим птичьим делам, до твоих восторгов — им, крылатым от природы!..

Ты уверился в силе крыла и летал всё выше и выше, всё реже вспоминая про землю. То, как ползали там, внизу, ты и миллионы таких, как ты, стало казаться просто глухим сном, от которого остаётся лишь смутное воспоминание.

Брызги рассветных морей осыпали твои крылья, когда ты, как ветер, проносился над волнами, а вековые сосны, скрипя, рассказывали тебе — только тебе — свои тягучие, печальные были.

А порой ты, опьянённый собственным счастьем и потому всемогущий, взлетал выше, и пропадали сосны, а перед тобой расстилалась звёздная ширь. И ты носился, как лопухий щенок, от одной звезды к другой, а потом засыпал, обессиленный, где-то на границе лазури и черноты, с блаженной улыбкой, думая, что так будет всегда...

А потом — БАЦ! И ты слышишь, как с раздирающим душу хрустом ломаются тонкие кости. Вокруг всё бело от перьев, а ты так ничего и не понял. Был только свист, страшный свист ветра в ушах, а потом из ниоткуда на тебя вынырнула земля.

Как она была близко! А ты ведь совсем забыл о ней, забыл, что она существует...

Осень. Ты стоишь посреди усыпанного золотом парка, зябко кутаясь в серый плащ, и смотришь в небо. На белые перья, разбросанные по аллейке, падают первые, самые тяжёлые капли дождя, словно решив лишний раз придавить их к земле. К Земле... Месть была жестокой. Ты ведь начисто разучился жить здесь, ты привык быть свободным... Свободным, как птица. Ты ещё не представляешь, как тебе придётся нелегко.

А пока ты стоишь в пустом парке и слезящимися — проклятый ветер! — глазами смотришь в небо. В небе кружат серебристо-белые чайки. Как высоко они летают! Слишком высоко...

Хо́да нет

— Стоп. Дальше нет хода!

Нет так нет, поищем другую дорогу. Он пошёл в другом направлении. Рельсы... рельсы... Да что ж это такое — всё не кончаются и не кончаются...

— Стоп. Дальше нет хода!

Да пожалуйста, пожалуйста! Можно ведь и обратно. Только почему всё время рельсы? Неудобно — по шпалам-то. Он хотел сойти, но что-то ему мешало. «А вокруг трава зелёная!.. Вот бы по ней босиком...» Так, две колени, — куда же теперь?

— Стоп! Направо хода нет!!!

Бога ради, зачем же так верещать? Никто ж не спорит. И кто только рельсы придумал? Конечно, так гораздо удобнее, чем напрямик через поле, через колючки и буераки, но всё-таки...

— Стой!!! Куда прёшь — хода нет!!!

Да чтоб вас всех! Вместе с вашими рельсами — надоели до чёртиков. Хватит, хочу в поле, в траву — ну и пусть колючки, я сам проторю тропинку. Слышите — сам! Он попытался сделать шаг в сторону, но не смог.

— Стой, твою мать!! Куда?! Нельзя! Хо́да нет!!!

«Без тебя вижу», — проворчал он и устало потащился дальше, унося с собой мечту о несбыточном, о зелёной траве и собственной тропинке...

Он был игрушечным поездом и не мог сойти с рельсов.

Чужак в чужом краю

Странный человек, куда же ты идёшь, поддавая ногой сухие листья, ведь здесь тебя никто не знает, а незнакомцев у нас не любят, ох как не любят! — запомни это, странный человек!

Странный человек, как же ты здесь оказался, из каких ты краёв? Есть ли на свете земли, где все такие, как ты? Но оглянись, здесь всё по-другому! Этот город чужой тебе, — разве ты не чувствуешь, как он ехидно смотрит тебе в спину своими окнами-бойницами?! Разве не слышишь громкой и безвкусной музыки вдалеке? Это люди справляют свой праздник, странный человек, праздник плоти и крови, и тебе на нём места нет!

Странный, милый странный человек, ты устал — положи голову ко мне на плечо и давай помолчим. Мне тоже не понять тебя, чужак в чужом краю, может быть, никогда не понять, но давай помолчим с тобой, пока есть ещё время молчать. А потом ты затеряешься среди каменных фигур и замшелых тёмных стволов, и я какой-то частью души пожалею, что ты ушёл, прекрасно понимая остальными, что иначе быть не могло.

Странный человек, я никогда не узнаю твоего имени, и места, откуда ты идёшь, и цели, которая влечёт тебя, и названия той звезды, что указывает тебе путь. А если бы ты и сказал, и позвал меня с собой, то — скорее всего, я так и осталась бы стоять по колено в жёлтом шуршащем море, сожалея и томясь чем-то неведомым, провожая взглядом твою усталую спину. Ведь я так и не разгадала тайны в глубине твоих зрачков, чужак, странник, странный человек. Я проводила бы тебя и забыла бы о тебе, лишь изредка, сидя вечерами в тепле уютного жёлтого света, с трудом воскрешая в памяти всё время ускользающие черты. Да разве ещё видела бы порой в путанных и нудящих, как старая рана в дождь, снах, тревожащих несбыточным, после которых хочется выть на луну.

Странный человек, зачем ты забрал мой покой?! И жёлтый свет мне не в радость, и жёлтое море... Куда же ты идёшь, не оборачиваясь, растворяясь в сырых осенних сумерках?

Куда же ты, странный человек?..

Я тебе

Я тебе отдам небо в звёздах, зовущих и непонятных, словно глаза зверя, и ночь, тёмную, как плащ колдуна.

Я тебе отдам горы, в эфир глядящие, и тропы, рыжие от иголок елей.

Я тебе отдам полосатый мяч моего детства и шуршащий, разноцветный ворох того, что было потом, а если не возьмёшь, подброшу в воздух, подожгу выстрелом своего смеха — пусть висят там, между небом и землёй, светятся, вертятся, — если тебе это не нужно, то зачем ему быть?

Я тебе отдам меч, рождённый на наковальне бессонных ночей, и старый-престарый альбом с выцветшими фотографиями воспоминаний: смейся, плачь, делай, что хочешь, но не будь равнодушным, — ведь это было, было со мной!

Я тебе отдам прозрачное утро над берегом моря и флейту ветра в рас-трёпанных верхушках сосен.

Я тебе отдам бутылку из зелёного стекла, в которой горький раствор моих слёз. Я тебе всё отдам, всё, что имею, и чего у меня никогда не было: бери, мне не жалко, у меня есть ещё, я ведь теперь богатая, сама удивляюсь.

Я тебе отдам...

Я — тебе.

Дэниэл
Повесть

Синее такси споро бежало по гладкому чёрному полотну асфальта. Серое здание больницы стремительно приближалось.

Зоуи глянула на свой шарообразный вздрагивающий живот, провела по нему рукой и тихо произнесла:

— Подожди! Мы уже почти на месте.

За окошком одна за другой убегали вдаль нарядные витрины магазинов, кричащие полосы реклам, проносились и исчезали силуэты встречных машин. Всё было как всегда там, снаружи.

И вдруг в голубом пространстве неба что-то взорвалось. Зоуи не видела взрыва, она лишь услышала глухой удар и заметила, что всё вокруг потемнело, как-то утратило свою буйную весеннюю яркость. Земля мягко содрогнулась. Здание по левой стороне медленно, как в кошмарном сне, осело, и, словно в замедленной киносъёмке, вверх поползли густые сизые клубы пыли.

Она не успела испугаться. Что-то ударило сверху. Что-то тёмное и тяжёлое опускалось всё ниже. Она хотела закричать, но давящее покрывало накрыло её. Последнее, что она видела, был огонь; но был ли он настоящим или существовал только в её взбесившемся воображении?..

*

...Огонь: море огня, чёрного, как смола. И больше ничего. Только боль...

*

...Боль заполняла всё вокруг, боль тысячью крошечных иголок вшивалась в нервы, выворачивала наизнанку, бильярдным шаром перекатывалась в мозгу. Боль пронзала всё её существо, не давая ни секунды отдыха, принимая самые жуткие и изощрённые формы...

...Боль стала всем...

И в этой боли появился на свет её ребёнок.

*

Доктор Сименс склонилась над крохотным человечком, чудом спасённым из этого ада. Повезло малышу, несказанно повезло: отделался лёгкими ожогами да парой ссадин. Про такого говорят — в рубашке родился.

А вот матери его повезло куда меньше: вряд ли выкарабкается, а если даже и так, то навсегда останется инвалидом.

Доктор закончила перебинтовывать обожжённую ручку и встала, собираясь уходить. И тут ребёнок открыл глаза. Обрадовавшись, женщина вернулась, глянула на малыша и... замерла, поражённая диким, почти суеверным ужасом.

Как смотрит новорождённый? Непонимающим рассеянным взглядом чуть мутноватых голубых глаз. А тут...

Не мигая, в упор на неё глядела Бездна, две чёрные дыры в Ничто, и ледяным холодом повеяло вдруг от этого взгляда.

Радужной оболочки не было. Всё отведённое ей место занимал бездонный провал зрачка. Словно мрак и холод навеки вошли в эти глаза. По спине женщины пробежали мурашки. Так не мог смотреть младенец, так могла смотреть Смерть...

Отшатнувшись от пронзающего насквозь взгляда жутких глаз, женщина кинулась прочь из палаты.

Как только за ней захлопнулась дверь, чёрные провалы глаз закрылись, и младенец, лежавший на кровати, ничем больше не отличался от миллионов других детей...

*

— Ребёнок, несомненно, видит. Он реагирует на движущиеся предметы, поворачивает голову на свет.

— Но почему у него отсутствует радужная оболочка?

— Этого я не знаю. Так же, как не знаю, как он умудряется видеть такими глазами... В остальном же совершенно нормальный, крепкий ребёнок... Мда...

Седовласый доктор бесцельно вертел в руках авторучку, то снимал, то надевал очки...

— А как его мать?

— Всё ещё не выходит из комы. Обширная черепно-мозговая травма, к тому же, у неё повреждён позвоночник, так что двигательная активность вряд ли восстановится. В лучшем случае она сможет говорить и шевелить пальцами.

Доктор Клайдер встал и направился к двери немного скорее, чем ему хотелось бы: немигающий, непроницаемый, но, казалось, проникающий до основания в самые потаённые закоулки сознания взгляд не детски осмысленных, пристальных чёрных глаз жёг затылок и, видимо, изрядно действовал на нервы.

Уже в дверях его остановил голос Алисы Сименс:

— Знаете, док, что ещё странно?

— Да? — обернулся тот довольно живо, чтобы коллега не дай Бог не заметила его состояния.

— Вы знаете, он ведь ни разу не плакал. Не кричал даже тогда, когда я обрабатывала спиртом его ссадины. Он просто молчит. Всё время.

— А вы не пробовали сделать энцефалограмму? Может, всё дело в заблокированных участках мозга?

— Док, с его энцефалограммами творится вообще невесть что! Я уже думала об этом и вчера решила сделать запись биоритмов мозга. Но энцефалограф отказал, как только я его к нему подсоединила. Он просто отключился! И сколько я потом ни пыталась, включить его так и не смогла. А в чём там дело, я так и не поняла: повреждений вроде бы никаких!..

— Ну, подумаешь, мало ли, какая может быть причина... Всё, что угодно, вплоть до заводского брака! — попытался успокоить Алису доктор Клайдер, но видно было, что сам он далеко не спокоен: брови его были нахмурены, а руки судорожно стискивали многострадальную авторучку.

*

Мрачные серые бесформенные существа окружали Зоуи. Они теснились вокруг неё, опутывали призрачными крыльями, сковывали движения, не давали бежать. Иногда ей удавалось вырваться из их заколдованного круга, но, едва успев сделать несколько шагов, она снова оказывалась среди серой шепчущейся массы, равнодушной и безжалостной. Зоуи задыхалась. Она уже почти смирилась с тем, что ей навсегда суждено оставаться здесь, в липкой и как будто одушевлённой темноте...

Неожиданно в кольце серых существ показался разрыв, и Зоуи устремилась туда, вложив в свой порыв все силы. Кажется, ей удалось оторваться от них. Вокруг была пульсирующая, плотоядная тьма, но серых тварей не было. Зоуи на ощупь пробиралась во мраке, стараясь держаться тёплых, пористых, чуть колеблющихся стен какого-то туннеля. И вдруг из темноты перед её внутренним взором возникли пристально смотрящие на неё глаза. Эти глаза были чернее окружающего мрака, чернее всего, что только можно себе представить. В них колыхалась сама первозданная Тьма. Зоуи словно ударили кнутом. Она упала на колени, почва ушла у неё из-под ног.

Ей показалось, что она тонет в море мрака. Темнота заливала горло, а сверху холодно и отчуждённо смотрели Глаза. И тут она узнала их, точнее, поняла вдруг, кому они принадлежат. И как только поняла это, рванулась к ним, туда, наверх, пытаясь выплыть из душных невидимых волн. Казалось, ей это удалось, она протянула руки, но Глаза обожгли её таким холодом, что она закричала, — нет, хотела закричать, но не смогла. Она только глядела в бездонные Глаза и понимала, что они вобрали в себя всю боль и весь холод мира. И мрак навечно вошёл в них.

Она полетела в бездну, вокруг слышался дикий демонический хохот. Она ударилась обо что-то головой и...

Глаза её открылись сами. Где-то на периферии зрения она заметила склонившегося над нею доктора в белом халате, перепутанную санитарку. Но выглядели они так, словно не попали в фокус, прямо же перед нею были — нет, уже не глаза, а всё лицо, до боли знакомое, хотя она никогда не видела его раньше.

С губ сорвалось имя, и в следующую секунду всё кончилось.

*

Около шести часов вечера дежурная медсестра вызвала врача в 66-ю палату, обеспокоенная странным всплеском мозговой активности и усилением сердечной деятельности у больной, доселе не проявляющей иных признаков жизни, за исключением мерного пиканья системы жизнеобеспечения.

К тому времени, как подоспел врач в распахнувшемся халате, в 66-ой творилось что-то странное. Воздух казался наэлектризованным и слегка покалывал кожу. Во всех углах, кроме того, в который забились перепуганная медсестра, собрался призрачный лиловато-серый туман. Над лежавшим на койке неподвижным телом женщины проскакивали искры. Электронный кардиограф истошно верещал, волны кардиограммы выплясывали на дисплее невообразимые фигуры.

Вдруг тело на кровати выгнулось, приподнялось, и... женщина уставилась в пространство широко открытыми безумными глазами.

Доктору показалось, что расширившиеся зрачки смотрят прямо на него, но она глядела сквозь него на то, чего явно не видел доктор.

Из розетки вылетела ослепительная молния, воздух гудел, как провода под высоким напряжением.

Доктор, преодолевая невольную дрожь, нагнулся над пациенткой, стараясь попасть в её поле зрения.

— Зоуи, вы меня слышите? Зоуи!

Глаза её выражали всё что угодно: страх, боль, беспомощность, но только не понимание. Вдруг во взгляде её мелькнуло озарение, тут же сменившееся полной непроницаемостью.

— Дэниэл, — произнесли непослушные губы. Хриплый шёпот её жутко прошелестел в ставшем вдруг гулким воздухе. — Дэниэл...

Лицо Зоуи исказила гримаса боли, тело дёрнулось ещё раз и застыло. Она была мертва.

*

— Дэниэл! — голос мисс Дэрруэй прозвучал где-то в конце двора. — Дэниэл, где ты? — раздался он уже ближе.

«Чёрт! Опять эта слепая зануда начнёт читать морали!» — пронеслось в голове Дэниэла. Он вскочил с нагретого солнцем бревна у сарая и мигом забрался по приставной лестнице на чердак. Дощатый люк за ним захлопнулся как раз в то время, как мисс Дэрруэй показалась из-за угла.

Чердак старого деревянного здания, вместившего детский приют, не пользовался у воспитанников особой популярностью. Залезали ребята туда редко, разве что негде было больше спрятаться при игре в прятки. Все углы и перекрытия на чердаке были затянуты густой косматой паутиной, на полу лежал толстый слой пыли. К тому же, свободному передвижению мешали различные ящики, коробки, фанерные щиты и прочий утиль, который за ненадобностью отправлялся на чердак. За полстолетия этогохлама накопилось столько, что чердак превратился в непроходимые джунгли. Но, возможно,

даже не это было главной причиной детской нелюбви к чердаку. Дело в том, что место это пользовалось дурной славой. У ребят в обычае было рассказывать друг другу на ночь страшные истории, и в большинстве из них фигурировал чердак. Теперь уже неизвестно, откуда пошли упорные слухи о всяческих потусторонних звуках оттуда, шагах, отблесках света в полнолуние и тому подобной чертовщине. Поговаривали, что на чердаке обитает дух бывшего владельца этого дома. Но слухи так и оставались слухами: никто из воспитанников ни за какие коврижки не согласился бы пойти туда ночью и проверить.

Как бы то ни было, Дэниэл избрал это место своей «штаб-квартирой». Он не боялся чердака и мог спокойно отсидеться здесь в случае чего, потому что знал: сюда за ним не полезут.

Просидев некоторое время на ящике с тряпьем и решив, что пора, Дэниэл, привычно лавируя между завалами, пробрался к пыльному оконцу и осторожно выглянул. Вроде бы никого. Приподняв точно такой же люк в противоположной стене, Дэниэл выбрался наружу. Проскользнуть в узкий люк, повиснуть на руках и спрыгнуть на большую железную бочку было делом двух секунд. Стараясь не задеть гулкую бочку ногой, он спустился на землю и... — нос к носу столкнулся с мисс Дэрруэй.

Мисс Дэрруэй была молодой учительницей немецкого и одновременно воспитательницей в группе Дэниэла. За её сутулые плечи, сильные очки и бессменный серый платок вокруг шеи её прозвали Курицей и не любили, хотя она была существом добрым и абсолютно безобидным. Дэниэла она побаивалась из-за его прожигающе-чёрных глаз и нелюдимого характера, хотя и успешно скрывала свою робость под видом усиленного внимания. Вот и сейчас, позвав Дэниэла и не услышав ответа, она пошла вокруг дома в надежде его увидеть и вышла из-за угла как раз вовремя, чтобы заметить хлопнувшую крышку люка. Другой на её месте просто не стал бы связываться или, по крайней мере, подождал бы под люком пару минут для очистки совести, но мисс Дэрруэй, зная о существовании выхода с другой стороны дома, заключила, что мальчик вылезет именно оттуда, и, встав немного в стороне, стала ждать...

Когда Дэниэл увидел перед собой мисс Дэрруэй, он чуть не зашипел от злости. Она же тем временем вкрадчивым голосом начала допрос:

— Дэниэл, почему ты спрятался от меня? Разве я хочу тебе зла? Ты ведь не боишься меня, правда?

Ответом ей служило молчание. Дэниэл буравил её взглядом, в котором, будь она опытнее, она разглядела бы нарастающую ярость. Но она не умела понимать эти глаза, она только чувствовала, что этот восьмилетний мальчик гораздо сильнее её, что он может легко уничтожить её, стоит ему только захотеть: она не знала, как, но легче от этого не становилось.

Подождав ответа с полминуты и видя, что это бесполезно, она продолжила, стараясь удержать на лице ласковую улыбку, но та получалась откровенно неестественной.

— Дэниэл, — тоном любящей матери снова начала учительница, — Дэниэл, почему ты пропускаешь уроки у миссис Жалински? Тебе трудно даётся

математика? Только не говори, что да, — говорила она всё быстрее, словно боясь, что её перебьют, — я ведь видела твои работы. Так в чём же дело? Молчишь... А я знаю, в чём. Тебе нужно взять себя в руки, Дэниэл: я прекрасно понимаю, что ты не хочешь учиться...

«Курица!!! Дура несчастная!!! — орало что-то внутри Дэниэла. — До чего же ты мне надоела! Надоели вы, все, мелкие, гадкие... Ненавижу, ненавижу!..»

— Ненавижу!!! — крикнул Дэниэл, резко вскидывая голову. — Ненавижу тебя, ненавижу вас всех!

Поражённая выражением его лица, выражением запредельной злобы и ненависти, мисс Дэрруэй отшатнулась. Дэниэл с секунду ещё стоял напротив неё с горящими глазами и бледным, перекошенным лицом. Он словно бы хотел сказать ещё что-то, но передумал, как-то странно дёрнул головой, словно ему что-то мешало дышать, и убежал.

*

Более трёх лет спустя...

В 48-ой комнате было непривычно тихо. Такая тишина может означать одно из двух: либо подростки десяти-одиннадцати лет стали вдруг вести себя примерно (что маловероятно), либо затевается очередная лихая выходка или мелкая пакость (что обычно оказывается ближе к истине).

В данном случае дело обстояло именно так. Ещё с утра по классам прошепелась какая-то новость, а после обеда, когда большинство воспитанников и добрая половина учителей ушли на спортивную площадку, в 48-ой собрались так называемые «активисты народного освободительного движения» — сокращённо АНОД.

Идея, собравшая вместе восьмерых «Анодов», остроумием не отличалась и представляла собой очередную злую шутку над несчастной мисс Дэрруэй.

Накануне местными алхимиками была изготовлена вещь, носившая кодовое название «Бомба-кетчуп-1Т». Она была заправлена томатной пастой, а полигоном для её испытания должна была стать комната многострадальной Курицы. Тод, автор идеи и вожак «Анодов», утверждал, что томатные пятна будут очень кстати на её ветхом сером платке. Он также высказал мысль, что неплохо бы подписать «бомбу», так как анонимные послышки свидетельствуют, как он выразился, «о низком уровне культуры» (ведь не хотят же «Аноды» прослыть некультурными людьми!) Подписать «бандероль» решили так: «Очаровательной мисс Дэрруэй от пылкого поклонника».

— Только подписывать нужно обязательно чёрным фломастером, а лучше — маркером! — подал с кровати голос Тод.

— Почему обязательно чёрным? — спросил рыжий очкарик Ллойд.

— Это принципиально, — с загадочным видом отозвался Тод.

Возразить на это было нечего, но чёрного маркера ни у кого не оказалось. Когда ребята уже было решили обойтись без этой «принципиальной» детали, Тод вдруг хлопнул себя по лбу и скатился с кровати.

— Пойдите! У Дэниэла же был чёрный маркер! Я видел.

— Ну, и ты побежишь за ним на стадион или на чердак, где он торчит целыми днями? — осведомился Ллойд.

— Да зачем бежать-то? Маркер, я думаю, у него в тумбочке, пойдёшь да достанешь.

— Нет уж, Тод, не полезу я к нему в тумбочку, ну его.

— Да как он узнает?! Мы же подпишем коробку и положим на место, он и не заметит. Или ты считаешь его всеведущим?

— Всё равно не полезу. Твоя идея, вот сам и лезь, раз такой умный, — сказал Ллойд под одобрительное урчание «Анодов».

— Ну и чёрт с вами! Трусы! Подумаешь, нашли пугало — Дэниэл... — пробубнил себе под нос Тод и открыл тумбочку Дэниэла.

— Куда он его дел? Вчера только видел, — протянул он через пару минут, сидя на корточках и ожесточённо копаясь в вещах.

— Ладно, Тод, брось! Напишем ручкой! А то ещё вернётся, объясняй ему потом...

Но Ллойд не договорил.

Дверь открылась, вошёл Дэниэл и замер на пороге. Тод, не успевший отскочить от тумбочки и даже закрыть её, тоже замер в позе, не оставлявшей никаких сомнений о его занятии.

— Что здесь происходит? — ледяным голосом спросил Дэниэл.

— Понимаешь, мы хотели подколоть Курицу... и нам нужен был маркер... — сразу сникнув и утратив весь свой задор, начал оправдываться Тод.

Дэниэл молчал и только, не мигая, глядел на Тода. Парнишке показалось, что этот взгляд, как бетонной плитой, придавливает его к полу. Он поспешно поднялся и стоял теперь с безвольно опущенными руками, растерянный и жалкий.

— Нам маркер был нужен... Ну, а у тебя же есть... А тебя не было... вот я и... вот мы и... — бормотал он.

Дэниэл казался абсолютно спокойным — даже слишком спокойным, — только лицо его всё больше бледнело и казалось уже совсем белым на фоне иссиня-чёрных волос. Тем не менее, Тод начал медленно отступать к стене, в горле шевелился скользкий комок страха.

Остальным мальчишкам тоже стало не по себе. Такого они не ожидали. Правда, они не понимали, что именно творится с их вожаком, но творилось явно что-то неладное: напрасно Тод зеленеть и пятиться не станет.

— Слушай, Дэниэл, да ладно тебе, мы же никакого преступления не совершали, просто тебя не было... Мы же не виноваты, что тебя не было! — пытаясь разрядить обстановку, заговорил Ллойд.

Дэниэл медленно перевёл взгляд на него, и тот закашлялся, как будто подавившись словами.

Тод, уже окончательно вжавшийся в стенку, с явственно трясущимися коленками, на минуту освободился от взгляда Дэниэла и вдруг взвизгнул срывающимся голосом:

— Вот именно! Если бы ты был здесь, мы бы у тебя спросили! Сам виноват! Нечего шлаться по чердакам! Упырь! Вот и иди обратно на свой чердак к привидениям! Ты с ними прекрасно поладишь!

Дэниэл резко повернулся, и Тод тотчас замолк. Видимо, Дэниэла про-
рвало. Лицо его было страшно: бледное, как у покойника, искажённое жуткой
гримасой, с как будто светящимися изнутри гагатовыми глазами, оно довело
беднягу Тода до полуобморочного состояния. Дэниэл стоял, тяжело дыша,
втянув голову в плечи, судорожно сжимая кулаки. Вдруг на тумбочке Ллойда,
по правую руку от Дэниэла, задребезжал стакан, как если бы он был намазан
клеем, а его пытались оторвать. Дэниэл глянул на него, и стакан, наконец
оторвавшись, повис в воздухе.

— Эй, Дэниэл, не надо! Мы же пошутили! Эй! — закричал, не на шутку
испугавшись, Том Корнер.

Дэниэл не удостоил его даже взглядом. Он смотрел на Тода. Стакан кач-
нулся в воздухе, словно чья-то невидимая рука замахнулась им, чтобы кинуть.
Тод в ужасе закрыл голову руками, а стакан, пролетев через всю комнату, с ог-
ромной силой разбился в десяти сантиметрах от его головы.

Дэниэл резко развернулся и выбежал из комнаты. Мальчишки начали
постепенно приходить в себя. Зелёный Тод медленно поднимался с пола.

— О Господи! — сказал Ллойд, ошарашено глядя на осколки у стены...

*

В этот душный летний день приют словно вымер. Каждый искал убе-
жища от палящего солнца. В коридорах стояла чужая тишина, даже неуго-
монные мальчишки как будто испарились.

За плотно закрытыми дверями в пустом, залитом солнцем классе разда-
вались приглушённые голоса, звучавшие неестественно громко в этой сонной
тишине. Разговаривали двое. Мужчина сидел за учительским столиком, а
женщина — за первой партой, вытянув перед собой влажные руки.

— Знаете, доктор, Дэниэл меня, мягко говоря, настораживает, — говори-
ла полная представительная женщина средних лет — попечитель приюта. —
Если уже сейчас он выкидывает такое, то что же будет дальше? Будут летать
кровати?

— Я заметил аномалии в его развитии, ещё когда он был младенцем, —
помолчав, сказал доктор Клайдер. — Ещё в то время его взгляд странным об-
разом воздействовал на психику человека. Но, на мой взгляд, ваше беспокой-
ство вряд ли обосновано. Маловероятно, что его возможности дальше будут
возрастать в геометрической прогрессии. Ему сейчас без трёх месяцев двена-
дцать лет. Это самый психоактивный возраст. Через год-два, когда закончится
пубертатный период и гормональный обмен придёт в норму, его сверхспо-
собности пойдут на убыль.

— Год-два... — обречённо проговорила Анна Редер; лицо её, ухоженное
и всё ещё красивое, было усталым и озабоченным.

— Ну что вы, право, — доктор казался воплощением спокойствия. —
Мальчик же не виноват. Он сам, наверное, болезненно воспринимает свою
непохожесть на других...

— И при этом бьёт стаканы об их головы? — горько воскликнула фрау
Редер.

— Он же не знал, что он может вытворять такое. Не знал до того самого момента, а потом остановиться уже не мог.

— Как хотите, мистер Клайдер, но я не могу держать его у себя. Сегодня он промахнулся, а завтра не промахнётся. А послезавтра полоснёт кого-нибудь бритвой... Конечно, он не хотел, он просто рассердился и всё такое, но поймите, доктор, я за них отвечаю, и я не хочу всё время жить как под дулом пистолета, постоянно ожидая чего-нибудь страшного!

— Анна, Анна, уверяю вас: это долго не продлится! И потом, не сможете же вы его выгнать на улицу? У него ведь никого нет. А попади он в другой приют, и кто поручится, что там не начнётся то же самое?

— Да, да... вы правы... Но что же мне делать? — немка была в отчаянье. — Господи, почему именно со мной, почему именно у меня?!

— Прежде всего — успокоиться. А потом — подумать. Мальчик действительно не виноват. Просто ему теперь нужно взять за правило сдерживать свои эмоции. Поговорите с ним об этом... Или, если хотите, я поговорю.

— Нет, спасибо, доктор, вы очень помогли мне, но с этим делом я должна справиться сама.

— Хорошо, Анна, только прежде подумайте: а сможете ли вы это сделать? Что мешает вам, что вызывает столь бурное отчаянье? Ведь есть что-то, Анна.

— Вы правы, доктор, да, есть... Это страх. Страх за них, за детей... за него...

— И только ли?

— Н-нет... Нет, не только. Страх за себя. Я боюсь его, доктор Клайдер, я боюсь этого ребёнка...

*

— Ну, Дэниэл, будем считать, что мы договорились? Постарайся держать себя в руках?

Дэниэл молчал и лишь странно глядел на неё из-под падавшей на глаза иссиня-чёрной пряди. Анна долго не могла понять, что именно странного в этом взгляде. И только сейчас, в конце почти полуторачасового разговора, больше похожего на монолог, она поняла вдруг, что с самого начала поразило её. Она ожидала, что он будет смотреть злобно, ненавидяще, равнодушно, с вызовом, с обидой — как угодно, но только не ТАК.

Он смотрел на неё так, как может смотреть очень занятый человек на мелкое и гадкое надоедливое насекомое, которое отрывает его от дела: с лёгким презрением, досадой и смертельной скукой. Мол, ничего не поделаешь, какое-то время оно будет жужжать над ухом, а потом упорхнёт куда-нибудь с глаз долой. А иногда, когда Анна говорила особенно проникновенно, его взгляд становился изучающим, и в нём появлялась тень интереса, но не к её словам, а того особого интереса, который испытывает учёный, открывший новый, доселе неизвестный вид бактерий.

И самое страшное, что Анна чувствовала себя именно такой бактерией, которую рассматривают в электронный микроскоп. Ей показалось, что она

стремительно съёживается под этим взглядом и становится совсем крошечной. Она вдруг увидела себя на предметном стекле под ослепляющим светом лампы, маленькую и ничтожную, а где-то высоко-высоко в окуляре виднелся чудовищный чёрный глаз.

Она задохнулась. Господи, да что же это?.. Анна с усилием закрыла и открыла глаза. Дэниэл по-прежнему, не мигая, смотрел на неё. Теперь чуть раздражённо и как будто чего-то ожидая.

— Да, Дэниэл, можешь идти, — ответила Анна на незаданный вопрос и бессильно откинулась на спинку стула.

Дэниэл не спеша поднялся и вышел из кабинета, неслышно прикрыв дверь.

*

«Теперь понятно... Теперь понятно, почему он не хочет разговаривать. Зачем ему разговаривать с существом низшего порядка? Кому придёт в голову беседовать с микробами?! И ведь не напускное это, не маска, не простой детский цинизм, нет, это его истинное лицо, настоящая сущность. Он не умеет притворяться. Ему это ни к чему. Перед кем притворяться, перед плесенью? Он не воспринимает нас иначе... Господи, как он смотрел!.. Он ведь действительно ощущает себя гораздо выше нас... А вдруг это так и есть? Кто знает, что скрывается за этими жуткими бездонными глазами, какие силы бушуют в этом существе?.. Боже, я не могу заставить себя назвать его человеком! Внешность обманчива... Разве человек может взглядом прижать обидчика к стене? В самом прямом смысле. Разве сможет человек запустить в кого-то стаканом, даже не дотронувшись до него?.. Нет, это уже чёрт знает что! Нужно успокоиться... Мало ли на свете необъяснимых вещей? Мало ли феноменов? Взять хоть Бермудский треугольник. В нём пропадают самолёты. Самолёты! — а тут какой-то стакан! Нет, не то, всё не то: самолёты — это далеко, это в газетах, это не со мной, а Дэниэл — здесь и сейчас! Как там говорит доктор Клайдер? Повышенная психическая активность? Телекинез, полтергейст и вся эта чертовщина?.. Новые возможности, новые горизонты?.. Новый зарождающийся вид на фоне старого, отжившего... на нашем фоне... Новое человечество. Человечество Дэниэлов... Б-р-р! Хватит! Хватит думать об этом, иначе у доктора Клайдера станет на одного пациента больше. Дэниэл — не исчадие ада, а просто больной, несчастный, озлобившийся ребёнок. Одиноким ребёнком. И я должна ему помочь. Это — мой долг...»

*

Внешне его лицо было невозмутимым и неподвижным, как у статуи, но в душе его царил хаос, буря, всё сметающая на своём пути стихия...

Да была ли душа у этого порождения Тьмы? Если бы Тод, доктор или Анна Редер заглянули сейчас в Бездну, притаившуюся за чёрными провалами глаз, что бы увидели они там?..

Грязь! Перед собой, возле себя, вокруг себя он видел лишь грязь, затягивающую, засасывающую в себя и не дававшую ему двигаться дальше.

Люди... Кто для него люди?..

«Они решили, что я один из них. Неужели они думают, что могут знать меня? Неужели они думают, что могут постичь, кто я? Жалкие неудавшиеся твари! Как же они мне надоели!»

Лицо его было блее мрамора и казалось таким же застывшим, глаза полыхали ледяным, смертоносным, сметающим всё пламенем. Если бы сейчас кто-нибудь из «неудавшихся тварей» увидел Дэниэла, он бы умер, уничтоженный атмосферой отторжения и презрения к этому миру.

*

Прошло ещё около двух с половиной лет. За это время в приютской жизни произошли большие перемены. А начались они с появлением новенького — Пита Стика по прозвищу Лис. Откуда он взялся — приютские в известность поставлены не были, но когда он впервые появился среди них, насмешливый, раскованный, полный чувства собственного превосходства и, казалось, уже постигший жизнь во всех её нюансах, они сразу потянулись к нему.

В последнее время вожака у них не было. После того случая со стаканом авторитет Тода заметно пошатнулся, а потом и вовсе сошёл на нет. Компания «Анодов» распалась, а весь приютский коллектив раскололся на многочисленные партии и группировки, лидеры которых постоянно были в натянутых отношениях. Каждый надеялся со временем занять освободившееся место Тода, но в то же время понимал, что ему не потянуть.

Именно поэтому уставшие от анархии обитатели приюта поразительно быстро признали Пита, почувствовав в нём ту неутомимую энергию, которой не хватало им самим. Постепенно всё больше вожаков местного значения собиралось вокруг новенького. Так, спустя полтора месяца, без особых усилий со своей стороны, Пит Стик стал самодержавным правителем в этом разношёрстном государстве.

Нельзя сказать, чтоб ему это не нравилось. Он постоянно находился в окружении свиты, подобострастно ловящей каждое его слово. Его авторитет был непререкаем. Без него не решался ни один значительный вопрос. Он, наконец, получил то, к чему так давно стремился.

Но в это безмятежное существование раздражающим диссонансом врывалась некая неотвязная мысль, какая-то постоянная тупая головная боль, зудящая заноза, которую никак не вытащить.

Этой головной болью был Дэниэл. Дэниэл, которому не было дела до нового вожака, Дэниэл, который всегда оказывался у него на пути. И самое обидное — Дэниэл не противостоял Лису, не перечил ему, не бунтовал и не выражал открыто своего недовольства. Он не собирал обиженных. У него не было приверженцев, а значит, он не мог быть его соперником в борьбе за власть.

Он просто не замечал его, и это больше всего бесило Лиса. Бесило ещё и потому, что он сам чувствовал некую силу в Дэниэле, дававшую ему право вести себя так. Он чувствовал эту силу и злился, что не мог разгадать её природу и неспособен был что-либо противопоставить ей. Дэниэл никогда не разговаривал с Лисом, при попытках его разговаривать он смотрел будто сквозь него и мог повернуться и уйти, так и не дослушав фразы.

Едва Лис почувствовал, что Дэниэл никогда не подчинится ему, он стал предпринимать попытки подружиться с этим отшельником. Он уважал и в душе побаивался его, особенно его взгляда, и хотел предложить ему то, чего не допустил бы при других обстоятельствах ни за что и никогда: предложить ему равенство. Он понимал, что Дэниэл не только ничуть не ниже, а (эта мысль обжигала, как кнутом) в чём-то гораздо, неизмеримо выше его. Итак, он предложил ему дружбу. Но Дэниэл только усмехнулся в ответ и посмотрел так странно, что у Лиса мурашки пошли по коже. А потом повернулся и ушёл. Молча. Оставив разъярённого Лиса кипящим, словно чайник.

Пит скрыл ото всех своё поражение. Благо, Дэниэл тоже не отличался разговорчивостью. Но с тех пор Пит возненавидел Дэниэла всей душой и постарался сделать всё, чтобы отравить ему жизнь. Он насмеялся над ним, настраивал против него ребят, кричал ему в лицо самые обидные, по его мнению, слова. Но Дэниэл никак не реагировал, и все старания Пита пропадали втуне. Дэниэл всегда сохранял полное спокойствие, никогда не отвечал на грубости и лишь иногда достаивал Стика взглядом, от которого холодило под ложечкой и возникало острое желание забиться под кровать и сидеть там тихо-тихо, как мышка, подальше от жутких глаз. Но он подавлял свой страх, загонял его в самые глубокие подполья, душил всеми известными ему способами. Порой это удавалось, но стоило Дэниэлу бросить на него очередной презрительно-спокойный, невозмутимый взгляд, как все бастионы, удерживавшие страх, рушились, душа уходила в пятки, а сам Пит начинал ненавидеть Дэниэла ещё сильнее и заставлял себя, переступая через ужас, внушаемый бездонными глазами, снова и снова кидать ему вслед насмешки едва заметно дрожащим голосом.

Насмешки — это всё, что он мог себе позволить, благо, приютским Дэниэл внушал почти суеверный ужас. Ни о каких подкошках, не говоря уж о коллективных разборках, не могло быть и речи. А выступить против Дэниэла один на один Лис бы не решился ни за что на свете.

*

Красный закатный луч пробился сквозь тяжёлые осенние тучи, вспыхнул на трещине пыльного чердачного окна и игриво пробежал по бледному лицу Дэниэла, расцветив его кроваво-огненными пятнами. Дэниэл поднял глаза на окно, и в антрацитовых озёрах тоже заплясал багровый огонь. Сейчас, глядя на его чёрные густые волосы, мраморно-белое неподвижное лицо, раскрашенное алыми бликами, и непроницаемо-бездонное, с огненными всполохами, огромные гагатовые глаза, его, не покрывив душой, можно было бы принять за исчадие Дантова ада ли за врубелевского Демона во плоти.

Мысли, что неторопливо скользили за этими глазами, вполне соответствовали впечатлению, производимому его внешностью:

«Сюда я пришёл зря. Здесь нет того, что я ищу. Этот мир слишком стар, слишком зарос плесенью и чересчур закоснел в своей ничтожности. Его уже не исправить, он потерял гибкость и стал хрупким, как старые кости. Если я попытаюсь развернуть его, направить в другое русло, сотворённое мною, он может попросту сломаться, рассыпаться и разлететься мельчащей пылью по Вселенной. Тут и пробовать не стоит... Дьявол, до чего же он мне опостылел! Все эти, с пустыми глазами, лучше всех знающие, как правильнее всего скоротать тот ничтожный отрезок времени, отмеренный им судьбой. Это их плексигласовое небо и картонные деревья, — от всего этого так и разит затхлостью и дешёвым лаком! Это было бы похоже на плохие декорации в плохом театре, но даже декорации не способны выглядеть столь искусственно. И ведь всё это они создают сами, своими руками, век за веком! Ситцевая реальность. Реальность в цветочек! Неужели этому не будет конца? Неужели везде так, как здесь? Нет, этого не может быть. Мой приход сюда был ошибкой. Просто меня занесло не в тот трамвай, а теперь пора сходить, пока не поздно. Знать бы только, где дверь...

Чёрт возьми! Мне нужен другой мир, где всё по-другому. Мир молодой и наивный, мир, не успевший покрыться коростой человеческого псевдобытия. Мир пугливый и дикий, как волчонок, который можно приручить и подчинить себе. Юный мир, где ещё не заснули Силы, где я смогу, наконец, быть тем, кто я есть... Мир, который может стать моим. И если есть во Вселенной такое место, я сделаю всё, чтобы найти его!..»

*

В этом мире у него ничего не было, о чём он мог бы жалеть. Ничего, что бы он считал своим. Ничего, кроме его мыслей. И чердака. Сколько часов провёл он здесь, сколько раз бежал он сюда ото всех, устав за день от их присутствия, от их эмоций, мыслей, суеты, от которых в голове начинало тяжело пульсировать. И он был здесь один: только он и его мысли. Мысли его, казалось, намертво срослись с этими стенами, массивными балками, надёжными, потемневшими от времени, с треснувшим окном — порой, в осенние безлунные ночи, он раскрывал его, и по чердаку гулял ветер, подхватывая его думы, кружа их, как опавшие листья, — срослись со всем этим помещением так, что мысли стали частью чердака, а чердак — частью самого Дэниэла. Сколько раз здесь думалось об одном и том же, что теперь для того, чтобы вспомнить, вернуть какую-то мысль, ему нужно было только позвать: все они обитали здесь. Иногда ему казалось, что это чердак разговаривает или, точнее, думает вместе с ним, а порой — что мысли его отделились от своего создателя и ведут теперь собственную, независимую жизнь в виде каких-то странных образов. Что они спят, пока его нет, но всегда готовы прибыть на зов.

На чердак уже давно было наложено «табу» — никто об этом не говорил, но никому бы и в голову не пришло побывать там. И этот негласный запрет действовал не только тогда, когда там был Дэниэл — об этом не было и речи!

— но и когда чердак пустовал, воспитанники приюта всё равно обходили стороной шаткую лесенку без перил, ведущую к дощатой двери. Ибо это место неразрывно ассоциировалось с Дэниэлом, как бы олицетворяло его, хранило о нём память и... было похоже на него. Это было *его* святилище, *его* вселенная, и никто из приютских ни за что не отважился бы нарушить её границы.

За годы, проведённые Дэниэлом в приюте, все — и учителя, и ученики, и даже фрау Редер — смирились с тем, что рядом с ними обитает нечто странное и загадочное. А поскольку всё последнее время Дэниэл вёл себя тише воды (настолько, насколько это вообще применимо к столь необычному субъекту), к нему привыкли, а история со стаканом рассказывалась теперь новеньким в качестве легенды. Даже Анна Редер успокоилась и перестала просыпаться по ночам с дико колотящимся сердцем — ей снились Глаза. Она наконец-то начала надеяться, что всё обойдётся, что опасный возраст миновал, и способности Дэниэла мирно уснули в глубинах его непостижимого сознания. Ребята боялись его, сторонились и старались поменьше контактировать с ним, но, скорее, по привычке, а также из-за его особенностей — чёрных глаз и манеры поведения в обществе, точнее, отсутствия таковой: с обществом его дороги почти не пересекались, — поводов же для новых страхов Дэниэл не давал. Поначалу учителя боялись новых вспышек из-за Лиса, но, видя, как невозмутимо относится Дэниэл ко всем колкостям и насмешкам последнего, успокоились.

Итак, наступило затишье. Но как ошибались те, кто думал, что Дэниэл, наконец, становится похожим на остальных детей! Наоборот, он с каждым днём чувствовал в себе всё большую Силу, с каждым часом всё острее ощущал чуждость мира, в который забросил его случай, с каждой минутой всё невыносимее становилось бездействие. Отчего же он вёл себя так незаметно, с превеликим трудом сдерживая в себе Стихию силы, готовую вырваться наружу? Очень просто: Дэниэл ждал. Ждал случая, какого-то переломного момента, — он сам не знал, чего именно, но твёрдо был уверен в том, что это что-то изменит всё. И бездействовал он потому, что боялся неосторожным движением спутнуть этот случай, который — он знал — вот-вот должен представиться.

Итак, Дэниэл ждал, а приют пребывал в спокойствии. И только в одной душе клокотала буря, одна пара глаз ненавидящим взглядом провожала Дэниэла, где бы он ни появился, — глаза Пита Стика. О нет, он ничего не забыл — он был не из тех, что забывают. И он тоже ждал. Ждал случая отомстить.

*

Было тринадцатое февраля. После занятий было свободное время, и воспитанники разбрелись кто куда. Дэниэл поднимался по лесенке, так знакомо скрипевшей при каждом шаге, и думал, какую из своих вольноживущих мыслей он позовёт сегодня. И вдруг, на самой последней ступеньке, его словно что-то остановило. Ощущение чужого присутствия нахлынуло с такой силой, что он покачнулся и схватился за ручку двери, чтобы не полететь с лест-

ницы. Но через секунду Дэниэл уже отворял дверь, и лицо его было страшно: он уже знал, *что* он там найдёт и чьих рук это дело.

Первое, что он увидел, был яркий свет. С того дня, как Дэниэл впервые вошёл сюда, свет здесь больше ни разу ни горел. Днём хватало естественного освещения, а ночью... ночью свет вообще был не нужен: даже если не светила луна и на небе не было звёзд, Дэниэл видел всё не хуже, а может, и лучше, чем днём. Только в темноте предметы представлялись ему такими, какими они являются на самом деле. Днём увидеть их истинный облик мешал свет, но стоило ему закрыть глаза — днём ли, ночью ли, — и он снова видел их так. Ночью же ничто не препятствовало восприятию непосредственно нервными окончаниями, без помощи глаз. И именно темнота одушевила и приютила его мысли, именно она охраняла его Ойкумену надёжней, чем сто тысяч легионов.

И вот, здесь горел свет. Яркий электрический свет. Он резал глаза и выхватывал их тени предметы во всей их гротескной уродливости. На его фоне окно казалось чёрным провалом, а потолочные балки — дряхлыми и трухлявыми. Но самое главное — Дэниэл чувствовал, даже почти видел, как корчились в предсмертных судорогах такие знакомые — и такие чужие — образы. Тени его собственных мыслей, которым он дал жизнь, и которые не сохранила темнота.

Огромными глазами Дэниэл ещё раз окинул помещение: на стекле, прямо напротив входа, ярко выделялись красные буквы: «УПЫРЬ». Дэниэл кивнул, повернулся и, выключив свет, вышел из помещения.

*

— Что это, десятка? А вот так не хочешь?

— Бью, не надейся... Эй, Лис, не спи — замёрзнешь!

Лис встрепнулся и попытался включиться в игру, но мысли его были далеко. Каждым нервом, каждой клеточкой он прислушивался к звукам за дверью, ожидая услышать шаги. Из-за этого он никак не мог сосредоточиться на картах, которые держал в руках. В конце концов, он побил туз шестёркой, поскольку принял её за козырную, был награждён возмущённым: «Жулик!» — и вышел из игры.

Теперь его ничего не отвлекало, и он мог думать без помех. Но оставаться наедине со своим ожиданием Питу явно было неуютно. Он боялся. Он знал, что бросил вызов тому, мимо которого даже ходить старались на цыпочках. Он также понимал, что не принять этот вызов Дэниэл не мог. И вот он ждал и боялся.

Зачем же он это сделал? Во-первых, чтобы сделать хоть что-то, так как всё это время чувствовал себя попросту трусом. Во-вторых — и в-главных, — он хотел вывести Дэниэла из вечного состояния невозмутимости и презрительного равнодушия, в котором тот пребывал, сколько Пит его помнил. Короче, он хотел увидеть его злобу, гнев, возмущение — его эмоции, его слабость. Ибо человек, который кричит, топает ногами, плачет и лезет в драку — слабый человек. А Пита больше всего бесило именно то, что Дэниэл никогда

подобных слабостей не проявлял, несмотря на все его старания, — тогда уже Пит чувствовал себя ничтожеством и последним дураком. Тут был простой расчёт — что есть в приюте такого, к чему равнодушен Дэниэл? О друзьях не было и речи, ни за что другое тоже нельзя было уцепиться, но был чердак... Чердак, где этот чёртов Дэниэл торчал днями и ночами.

Конечно, если бы Пит знал о Дэниэле столько, сколько, например, Тод — развенчанный вожак «Анодов», чьё место занимал теперь Лис, или, скажем, Ллойд, ему, разумеется, и в голову бы не пришло задевать «этого», как за глаза называли Дэниэла в приюте. Но он появился позже, когда кажущееся затишье уже наступило, и не очень-то верил всем этим байкам и страшилкам на ночь про «Дэниэла — сына Антихриста» или «ожившего графа Дракулу». Он считал Дэниэла странным, своевольным, непонятно уверенным в себе, — и только. Конечно, он чувствовал Силу за этими глазами, но разгадать её природу не смог и приписывал её просто заносчивости и чувству собственного превосходства.

Теперь, когда минуты тягостного ожидания значительно поколебали решимость Пита, он уже сожалел о своём необдуманном поступке. Были моменты, когда ему хотелось вскочить и побежать на чердак, чтобы привести там всё в порядок или, на худой конец, встретить Дэниэла там — будь что будет, лишь бы быстрее! И только усилием воли он заставлял себя оставаться на месте и старательно смотреть в карточный веер, в то время как сердце бултыхалось где-то в районе пяток.

*

«Никогда не садись спиной к двери», — говорил кто-то очень умный. Недаром ведь говорил! Пит не услышал шагов, не заметил открывающуюся дверь. Он только увидел, как слегка побледневшие лица повернулись к двери — все разом. Пит медленно обернулся. На пороге стоял Дэниэл, держась за ручку двери. Он *улыбался*. И так плохо стало Питу от этой улыбки, что если бы предложил ему тогда какой-нибудь дядя-волшебник на выбор: повернуть время вспять, чтобы он, Пит, никогда не родился, или же ещё минуту выносить эту улыбку, Пит, не задумываясь, выбрал бы первое.

Что-то мешало смотреть, Пит моргнул, а когда открыл глаза, Дэниэл уже не улыбался.

— Пойдём, — сказал Дэниэл и, повернувшись, вышел.

Пит с удивлением наблюдал, как его ноги разогнулись в коленях, тело приняло вертикальное положение и начало двигаться в сторону двери. Пит внутренне заорал (орать вслух не было сил) и попытался руками ухватиться за спинку кровати, но руки оставались неподвижными, словно нервный импульс застрял где-то на полдороги. Чуть шатаясь, Пит вышел в коридор, чувствуя, как восемь пар неподвижных глаз буравят взглядом его спину.

Дэниэл шёл по коридору, не оборачиваясь — так, как он ходил всегда: чуть скользящей, кошачьей походкой, немного опустив голову.

«Чёрт, а ведь он знал, что я за ним пойду! — думал Пит в то время, как его тело безвольно двигалось вслед за Дэниэлом. — Нет, не так: он знал, что Я НЕ МОГУ НЕ ПОЙТИ ЗА НИМ!!! И что никто не пойдёт ЗА НАМИ...» В горле перекатывался душный комочек какого-то первобытного страха.

Шли они долго. Удивительно, какими пустыми и длинными могут оказаться вечером школьные коридоры! И ни одного человека — нарочно не придумаешь! Чем дальше они шли, тем хуже становилось: знаете, это вроде «ожидания смерти страшнее самой смерти». Тут же дело пахло чем-то похуже. Пит с удовольствием бы сейчас упал и умер — лишь бы не идти вот так по пустому коридору, тускло освещённому усталыми лампами дневного света, и глядеть на шагающего впереди... человека?.. не в силах даже отвести взгляд.

Наконец, коридор завернул направо, за углом открылся маленький тупичок с двумя запертыми дверями по левую и правую руку и дверкой в бельевую в конце. К этой-то двери и подошёл Дэниэл; остановился, провёл рукой вдоль замка — и дверь с такой силой отскочила к стенке, будто её, по меньшей мере, ударили тараном. Дэниэл остановился возле двери, и Пит почувствовал, что должен войти в эту дверь первым. Почувствовал, даже не успел испугаться (хотя куда уж больше!), а ноги уже несли его вперёд. Вот он поравнялся с вновь улыбающимся Дэниэлом, который проводил его взглядом, вот миновал его, и Дэниэл оказался у него за спиной. Так уж человек устроен: ему неприятно, когда сзади него находится открытая дверь или попросту незнакомый и не внушающий дружеских чувств субъект. Это — часть инстинкта самосохранения, — защитить спину от любой, пусть и мифической, потенциальной опасности. А Пит стоял спиной к Дэниэлу. Внутри него всё кричало, нет — голосило благим матом: «Обернись! Да обернись же!!!» Но шея будто закаменела — он *не мог*, не в силах был обернуться. Сердце бешено колотилось, с каждым вдохом он ждал... чего он ждал?.. Так продолжалось до тех пор, пока у самого его носа не оказалась стенка. Тут его словно бы отпустило, и он, наконец, замирая от ужаса, оглянулся.

...Дэниэл стоял в пяти шагах от него, на середине комнаты. Поза его была спокойной и даже расслабленной, вот только улыбка теперь больше напоминала оскал хищного зверя.

Пит почувствовал, что сейчас упадёт. Но упасть ему не давали — что-то настойчиво вжимало его в стенку. Внезапно его голову откинуло в сторону, как от удара, и со страшной силой впечатало в стену. Зазвенело в ушах, перед глазами поплыл розовый туман. «Когда он успел подойти?..» — пронеслось и растаяло. В глазах начало проясняться. Он помотал головой и глянул на то место, где раньше стоял Дэниэл... Он всё ещё был там!!! Стоял в такой же непринуждённой позе, только глаза его — огромные, чёрные — казались жерлами проснувшихся вулканов. «Но как?!»

Новый удар отбросил его ещё сильнее — на этот раз в другую сторону. А затем удары посыпались — нет, не градом — метеоритным дождём, с силой разогнавшегося самосвала, — так ему казалось. Он забился, словно в невидимых путях, хотел закричать, но горло перехватило, губы издали хриплый стон, а глаза затопила темнота...

*

Дэниэл снова крепко ударил его, услышал хруст выбитого зуба. Замахнулся для нового удара. Нет, Дэниэл стоял неподвижно всё там же, и ни один мускул его не пошевелился, но в то же время он ясно видел себя рядом с корчащейся, извивающейся фигуркой, чувствовал свои руки, наносящие удар за ударом, видел искажённое от боли и ужаса лицо. Он одновременно видел как бы четырьмя глазами, смотрел как бы за двух человек — за себя стоящего и того, что был возле Пита.

Он слышал шаги, приближающиеся возбуждённые голоса, но так и не пошевелился. Он ненавидел, и в этом была его сила. Ненависть его была не та, от которой кричат, доказывают, отбиваются руками и ногами, а та, особая, всеобъемлющая, когда уже всё равно. И что будет с тобой, и вообще всё.

Поэтому он так и не шелохнулся, когда чьи-то руки вцепились ему в плечи, а локти заломили назад — хотя мог бы легко справиться со всеми, кто сейчас находился в комнате.

Когда руки его скрутили за спиной, голова произвольно наклонилась, и Пит, больше не удерживаемый его взглядом, мешком рухнул на пол. К нему кинулась мисс Дэрруэй, но Дэниэл отмечал это для себя как бы между прочим. Несколько мгновений назад зрение его на секунду помутилось, а восстановившись, стало единым: второй Дэниэл исчез. Теперь Дэниэл, снова став одним целым, спокойно стоял, не обращая внимания на крики вокруг и держащие его руки.

Прямо над ухом раздавались истерические вопли миссис Жалински. Неохотно сконцентрировав на них внимание, Дэниэл услышал:

— Зачем ты это сделал?! Скажи, зачем ты это сделал?! Зачем?..

Дэниэл, разогнуться которому не давали, глянул на неё из-под упавшей чёрной пряди и промолчал.

— Разве вы не видите, что он над нами издевается? — едко сказал Дарби — учитель физкультуры, тот, что его держал. — Ничего, он заговорит! Посидит сутки в карцере без воды и пицци, — не только заговорит, сам нас ещё просить будет, чтоб мы его выслушали! Мерзавец!

Потом были длинные коридоры, и выбивающаяся прядка лезла в глаза, а неоновые трубки ламп слились в сплошную колею, по которой с грохотом катилась вся толпа и Дэниэл. Дарби звенел ключами и зло чертыхался, одной рукой пытаясь открыть старый замок, а другой продолжая удерживать Дэниэла, хотя тот и не думал сопротивляться. Потом дверь таки отворилась — неохотно, со скрипом, словно досадуя, что её потревожили, — Дэниэла втолкнули внутрь, и дверь карцера захлопнулась.

*

Что за мощь в разбушевавшейся стихии! Видели вы море в шторм, — какое грандиозное зрелище! Оно захватывает своим апокалиптическим величием, заставляет чувствовать себя песчинкой в буре жизни или, наоборот, — атомом в стройной гармонии Вселенной. Это — стихия, свободная и могучая.

И ничто и никто не в силах противостоять ей. Но в состоянии ли человеческий разум представить себе стихию, долгие годы сдерживаемую крепкими путами, стихию, сжатую в одну точку, сконцентрированную до предела, удерживаемую, но не покорённую! А способно ли воображение обрисовать эту же стихию вырвавшейся на волю из тесной клетки и затопившей, захлестнувшей своими волнами всё, что встало на её пути! Стихию освобождённую, Стихию, не знающую границ, Стихию, способную на всё, даже на уничтожение собственного создателя, если бы этот создатель был не Дэниэл. Но он был им, а его Стихией была ненависть...

Ненависть, всепоглощающая ненависть ко всему, что окружало его, достигла апогея, некоей критической величины, большей, чем могла выдержать земная твердь, собралась в один сверхмощный заряд разрушающей силы и прорвала тонкую ткань этой реальности, открыв дверь в Бездну, откуда берут начало все пути и тропы...

Он уже не шёл — он летел навстречу одному из неведомых островов, что должен был покориться его полной, безраздельной власти.

*

На улице было холодно, и вышедшие покурить физрук и учитель черчения зябко передёргивали плечами.

Вдруг, словно бы под землёй, прокатился под их ногами мягкий, тяжёлый удар. Оба непроизвольно глянули на здание, откуда, казалось, пришла эта волна. В одну секунду из всех щелей, между всеми кирпичиками глухой задней стены ударил ослепительный свет. Дом стал похож на гигантские сооты. Впрочем, свет исчез раньше, чем их мозг успел отреагировать на увиденное. Оторопело переглянувшись, они одновременно кинулись в здание.

В коридорах было не протолкнуться, все спешили туда, в дальнее крыло, где располагался карцер и различные подсобные помещения. Ключ оказался бесполезен: он даже наполовину не входил в скважину. Началась суета, стали неумело, мешая друг другу, выламывать дверь. Когда же та, поддавшись их нестройным усилиям, распахнулась, они увидели, что замок на ней был полностью оплавлен и деформирован.

Комната была пуста. Во внутренней стене, возле того, что осталось от скамьи, зияла неправильной формы дыра, в которой, кружась, медленно оседал сиреневый туман...